

1. ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНИЙ

1. КАКИМ ОБРАЗОМ ЭТА ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАЕТ СЕЙЧАС

А. Позитивистская формулировка

Первая задача социолога заключается в том, чтобы получить представление об общем состоянии разработки проблемы, которая его интересует. Весьма часто она сводится к не более чем бессвязным вопросам: оказывается, что в изучение проблемы внесли свой вклад чуть ли не все научные дисциплины, но притом не нашлось никого, кто уделил бы хоть какое-то внимание необходимости ее комплексного исследования. Обзор уже выполненных исследований проблемы поколений и попытка критической оценки того, как протекает ее обсуждение, как раз и входит в наше намерение (см. первую главу). Это, можно надеяться, поможет нашему собственному анализу (см. вторую главу).

В прошлом сложились два подхода к проблеме: "позитивистский" и "романтико-исторический". Эти два подхода, две школы представляют два антагонистических типа установок в отношении действительности, а контраст установок, в свою очередь, отражает разные способы интерпретации. Методологическим идеалом позитивистов было количественное выражение задач, включительно количественное определение факторов, которые, в конечном счете, обуславливают бытие. Что касается второй школы, то там были приняты качественные оценки, соответственно чему она всегда сторонилась дневного света математики и была отнесена к проблеме в целом.

Начнем с первой школы. Проблема поколений привлекла позитивистов потому, что давала им чувство, будто в ней они соприкасаются с некоторыми первичными факторами бытия как такового, а именно рождения и смерти, между которыми - определенный, доступный измерению промежуток времени, ибо разве поколения регулярно не сменяют друг друга? Здесь, обычно полагает позитивист, структура человеческой судьбы выступает в удобопонятной форме. Все прочие факты обусловлены именно ходом жизни; они всего лишь выражение частных отношений, которые если и исчезнут, то их исчезновение будет означать утрату всего только одной из возможных форм исторического бытия. Другое дело, когда изменяются первичные человеческие отношения: в этом случае человеческое существование, как мы его понимаем, должно вообще прекратиться; культура, творчество, традиция — все это должно исчезнуть или, по крайней мере, предстать в совершенно ином свете.

С идеей модификации первичных факторов экспериментировал еще Юм. Допустим, говорил он, форма преемственности поколений у людей полностью изменилась бы, стала бы, к примеру, такой, как у бабочек и гусениц вследствие чего старшее поколение словно по мановению исчезало бы и в то же мгновение нарождалось новое. Далее, предположим, что человек достигал бы такой высокой ступени умственного развития, что приобрел бы способность рационально избирать наиболее подходящую для себя форму правления. (Разумеется, во времена Юма это была главная проблема). В подобных условиях, заключал Юм, для каждого поколения стало бы возможно и должно без оглядки на то, как поступали предки, сызнова выбирать свое собственное, особенное состояние. Только потому, что человечество таково, какое оно есть, т. е. поколение сменяет поколение на протяжении продолжительного времени, так что смерть одного человека никак не связана с рождением другого, принято считать нужным сохранять преемственность форм управления. Юм, таким образом, переводил принцип политической преемственности в плоскость биологической преемственности поколений.

Похожая идея занимала и Конта¹: он предпринял попытку объяснить природу и темпы прогресса (центральная проблема его времени), предположив, что то и другое связано с переменами в преемственности поколений и средней продолжительностью жизни. Так, если время жизни каждого человека укоротилось бы или удлинилось, то, как показал Конт, темп прогресса подвергся бы соответствующему

изменению. Удлинение продолжительности жизни людей означало бы замедление прогресса, тогда как ее сокращение, скажем, в половину или на четверть, соответственным образом ускорило бы прогресс, ибо запретительное, консервативное, "тормозящее" влияние старшего поколения сказывалось бы на протяжении большего или, наоборот, меньшего промежутка времени.

Чрезмерное отставание темпа было бы пагубно, а слишком значительное ускорение было бы чревато опасной поверхностностью, следовательно, возможности, которые открывает жизнь, никогда по-настоящему не были бы исчерпаны. Отнюдь не намекая на то, что наш мир является лучшим из миров, Конт, тем не менее, приходит к мысли, что отпущенная нам продолжительность жизни и обычная периодичность смены поколений, 30 лет, суть необходимые корреляты нашего времени и, более того, что медленный прогресс человечества непосредственно связан с указанным органическим ограничением. Таким образом, темпы прогресса и наличие в обществе консервативных и реформаторских сил приписывались непосредственно биологическим факторам. Казалось, проблема ясна как день, ясна с почти математической точностью: выявлены и подвергнуты исследованию все ее составляющие элементы. Для триумфа творческого воображения мыслителя также были основания: свободно комбинируя имеющиеся в его распоряжении данные, он, казалось, преуспел в понимании первичных, постоянных элементов человеческого существования и чуть ли не полностью раскрыл перед нами тайну Истории.

Рационализм позитивистов является прямым продолжением классического рационализма, бывшего доменом французского духа. В самом деле, наиболее важный вклад в исследование интересующей нас проблемы принадлежит французам. Конт, Курно, Ж.Дромель, Мантрэ и другие социологи за пределами Германии были позитивистами или, по крайней мере, находились под их влиянием. В период, когда всю Европу захлестнула волна позитивизма², работали также итальянец Феррари и австрийский историк О.Лоренц. В том, как названные ученые формулировали проблему, есть нечто общее. Все они ревностно стремились обнаружить закон, выражавший бы ритм исторического развития, закон, который бы основывался на биологическом правиле: продолжительность жизни человека ограничена, время жизни младшего и старшего поколений частично совпадает. Цель состояла в том, чтобы, непосредственно исходя из биологии,

понять переменчивость течений интеллектуальной и социальной жизни и на этом фундаменте построить для рода человеческого график прогресса. Поелику возможно, здесь все было упрощено: психология была подчинена схеме, согласно которой родителям неизменно отводилась роль консервативной силы.

В этом свете история идей выглядела как хронологическая таблица. Упрощение как будто бы позволяло свести существо вопроса к выяснению среднего периода времени, которое потребно для того, чтобы младшее поколение наследовало бы старшему в общественной жизни, а главное - найти в истории некую естественную отправную точку, позволившую бы исчислить новый период. Исследователи отводили на поколение разные сроки: многие (в их числе был Дромель) оценивали этот срок как 15 лет, но в большинстве своем сходились на 30 годах, считая, что на протяжении первых 30 лет жизни люди еще учатся, что в среднем индивидуальная творческая жизнь только и начинается в этом возрасте и что в 60 лет человек удаляется от дел³. Более сложным оказалось определение естественного начала череды поколений, поскольку в обществе как таковом рождения и смерти следуют сплошь одни за другими, а полные интервалы прослеживаются только в пределах семьи, где, прежде чем дети достигают брачного возраста, проходит определенный промежуток времени.

Такова суть позитивистского подхода к проблеме, остальное - не более чем приложение этого принципа к конкретным примерам из истории. Впрочем, аналитическому уму на длительное время была задана работа, благодаря чему привлечение исторического материала помогло пролить свет на многие важные ответвления проблемы.

Мантрэ⁴, в частности, первым рассмотрел ее в историческом плане и придал ее формулировке более веские основания⁵. Свой анализ проблемы поколений в пределах семьи он предварил дискуссионным обсуждением того же феномена в жизни животных (на материале работы Эспинаса "Les sociétés animales". P., 1877). Лишь исследовав эти первичные аспекты проблемы, он перешел к более сложным, а именно к вопросу о поколениях как о явлениях социальном и интеллектуальном.

Проблема была разъяснена им по линии различия между "институтами" и "séries libres"* (совместно с Леви-Брюлем). Ритм, в котором одно поколение следует за другим, лучше проявляется в

*Объединения, товарищества (франц.).

"объединениях" - таких, например, группировках, как салоны и литературные кружки, тогда как в учреждениях, для которых по большей части характерны устоявшиеся образцы поведения (в силу предписаний либо коллективных соглашений), новому поколению труднее выказать свою оригинальность. Основная часть работы Мантрэ посвящена вопросу о том, что он называет превосходящими областями истории, - к примеру, это политика, наука, право, искусство, экономика, которые определяют все прочие области. Он пришел к заключению, что единственной доминирующей области, которая диктовала бы собственный ритм развития другим областям, не существует, что все они одинаково вливаются в общее течение истории⁶. Впрочем, допуская Мантрэ, наиболее адекватно всеобъемлющие изменения ментального климата отражает сфера эстетики. Анализ истории этой сферы во Франции с XVI в. привел его к убеждению, что периодичность основных изменений измеряется приблизительно 30 годами.

Книга Мантрэ полезна как первый всесторонний обзор проблемы, хотя на самом деле, учитывая ее объем, в собственно исследовательском плане или даже с точки зрения систематической формулировки вопроса она дает немного. Французы с некоторых пор столь заинтересованно стали относиться к проблеме изменений от одного поколения к другому по большей части в связи с тем, что они в результате появления националистически настроенного молодого поколения столкнулись с внезапным потускнением либерального космополитизма. Смена поколений предстала перед ними не только как непосредственная данность, но и как проблема, вышедшая далеко за узкие рамки академического знания, влияние которой на реальную жизнь можно конкретно изучать, например, путем анкетирования⁷.

Хотя Мантрэ изредка выступает с замечаниями, не укладывающимися в представление о чисто количественном подходе, его допустимо считать позитивистом, более того, его трактовка проблемы поколений видится последним словом позитивизма в данном вопросе.

Теперь, однако, пора рассмотреть альтернативный, романтико-исторический подход.

Б. Романтико-историческая формулировка проблемы

Если обратить взор к Германии и проследить развитие проблемы в этой стране, то придется окунуться в совершенно иную атмосферу. Трудно отыскать лучшее подтверждение взгляда, что способы формулирования проблем и образы мысли, которые изменяются от страны к стране и от эпохи к эпохе, зависят не от контрастирующих решений, предложенных разными странами в разное время, а от доминирующих политических тенденций. Правда, Рюмелин, набросившийся на интересующую нас проблему во всеоружии статистических сведений, и О.Лоренц, который воспользовался как исходным моментом данными из генеалогии, были верны позитивистскому духу своей эпохи. Но в целом проблема поколений приняла специфически "германский" характер, когда она была затронута Дильтеем. В его труде были возрождены буквально все традиции и импульсы, которые некогда вдохновляли романтико-историческую школу; у Дильтея мы сталкиваемся с внезапным возрождением (в пересмотренном виде) проблем и категорий, которые в своем изначальном романтико-историческом контексте послужили в Германии фундаментом для социальных и исторических наук.

В прошлом в Германии, как и во Франции, преобладающие философские течения развивались в тесной связи с соответствующими историческими и политическими структурами. Во Франции возобладали позитивистский тип мысли, начало которому положила непосредственно традиция Просвещения. В тенденции она доминировала не только в естествознании, но равным образом в науках о культуре, служа источником вдохновения как для прогрессивных и оппозиционных групп населения, так и для сторонников консерватизма и традиционализма. В Германии наблюдалась противоположная ситуация. Здесь всегда царствовали романтическая и историческая школы, испытывавшие сильное консервативное влияние. В позитивистской традиции оказались способны развиваться лишь естественные науки, науки же о культуре полностью основывались на романтико-исторических установках; позитивизм проявлялся лишь спорадически - постольку, поскольку (время от времени) это поощрялось оппозиционными группами.

Антитезу между Германией и Францией не следует преувеличивать, но, тем не менее, она действительно явилась исходным

моментом для борьбы, развернувшейся практически вокруг каждой логической категории; проблема поколений была просто одной из стадий в развитии этой гораздо более широкой кампании. Если игнорировать широкий контекст антитезы "французский позитивизм - немецкий романтизм", попытка понять ее применительно к проблеме поколений будет безнадежной.

Для всякого позитивиста либерального толка, особенно во Франции, на его родине, проблема поколений служит прежде всего свидетельством в пользу концепции линейного прогресса. Корни этого типа мысли, который обязан своим существованием импульсам, исходившим от либерализма, гнездятся в механистически усвоенном, облеченном в конкретную форму представлении о времени, в попытках использовать данное представление в качестве объективного мерила линейного прогресса, опираясь на возможность выразить его в количественных терминах. И даже чередование поколений рассматривалось как нечто споспешествующее упорядочению, а не нарушению линейного течения времени. С этой точки зрения, самое важное в чередовании поколений - то, что оно составляет одну из основных движущих сил прогресса.

Подобное представление о прогрессе содержит в себе вызов германскому духу, романтический и исторический строй которого более созвучен данным наблюдений, полагающихся на консервативные методики, и подходу к проблеме поколений как раз как к доказательству неправомерности мнения относительно линейного исторического развития⁸. Проблема поколений рассматривается здесь в плоскости существовавшего внутреннего времени, т. е. такого, что нельзя измерить, а можно лишь испытывать в чисто качественном отношении.

Сравнительная новизна работ Дильтея состоит в том различении, которое он провел между количественной и качественной концепциями времени. Дильтей заинтересовался проблемой поколений, в первую очередь, в связи с тем, что рассматривал ее и даже самое усвоение понятия "поколение" как темпоральный показатель эволюции интеллекта, так сказать, внутри ее истории, показатель могущий стать заменой таких чисто внешних показателей, как часы, месяцы, годы, десятилетия и т.п. (eine von innen abmessende Vorstelluig). Поколение как показатель дает возможность оценивать интеллектуальные подвижки интуитивно, играя роль в соответственном процессе⁹.

Второе заключение, к которому приходит Дильтей в связи с феноменом поколений, состоит в том, что их сосуществование имеет более чем просто хронологическое значение. В детском, юношеском и пожилом возрасте люди испытывают одни и те же господствующие влияния, вызванные преобладающими условиями интеллектуальной, социальной и политической жизни. Они - современники, они составляют одно поколение и именно поэтому подвержены общим влияниям. Эта мысль, согласно которой, с точки зрения истории идей, быть современниками - значит подвергаться одинаковым влияниям, а не просто проживать в том же хронологическом периоде, переводит дискуссию из плоскости, в которой существует угроза ее вырождения в своего рода арифметический мистицизм, в плоскость представления о внутреннем времени, доступном для интуитивного понимания. Таким образом, проблема, прежде доступная лишь для математического, количественного подхода, была переориентирована на нечто неисчисляемое, то, что испытывают исключительно посредством переживания. Промежуток времени, который разделяет поколения, становится субъективно переживаемым временем, а современность превращается в субъективное условие для одних и тех же определяющих влияний.

Отсюда всего только шаг до феноменологического подхода Хайдеггера, которому принадлежит углубленная интерпретация этих качественных отношений, - по его убеждению, самых материальных и реальных в Судьбе. "Судьба, - писал он, - это не сумма личных уделов, нечто большее, чем одновременность, могущая быть понята как просто совместное явление некоторого числа лиц. Направление, перспективу личных судеб обуславливают сопричастность к одному и тому же миру и связанная с этим обстоятельством предрасположенность к специфическому набору возможностей. В таком случае власть судьбы в мирных и конфликтных переплетениях социальной жизни не обуздана. Неизбежность, обусловленная жизнью в одном поколении, приобщенностью к одному поколению, завершает драму человеческого бытия"¹⁰.

Из "качественного" представления о времени, основанного, как можно было убедиться, на взглядах Дильтея, исходит и формулировка, которую давал проблеме поколений историк искусства Пиндер. Дильтей представлял собой счастливое исключение в том плане, что никогда не стремился ни к чему другому, как только к раскрытию подлинных возможностей романтико-качественного подхода. Для

дела он был готов черпать знание и из позитивизма. Иначе обстояло с Пиндером, которому оказались свойственны все слабые стороны романтизма. Ему принадлежат многие глубокие прозрения, но он действительно не знал, как избежать эксцессов романтизма. "Несовременность современного" - вот что его более всего интересовало в проблеме. Разные поколения живут в одно и то же время. Но так как переживаемое время - это только реальное время, то в субъективном плане все они должны жить фактически в качественно совершенно разные эпохи. "Каждый проживет свою жизнь с людьми, принадлежащими и к одному с ним и к другим векам. Разнообразие возможностей опыта, с которыми все они сталкиваются, имеет сходные черты, но для каждого "одно и то же время - это разное время - иначе говоря, оно представляет различные периоды бытования его "я", которые он может разделять лишь с людьми своего века"¹¹.

Поэтому всякий момент времени на самом деле есть нечто большее, чем точечное событие: речь идет не об одномерном, но как бы об объемном времени (так как оно всегда проживается несколькими поколениями на различных ступенях их развития)¹². Если прибегнуть к музыкальным аналогиям, как это делает Пиндер, то мышление, присущее всякой эпохе, полифонично. Поэтому надлежит каждодневно прислушиваться к различиям между голосами разных поколений, каждое из которых озвучивает всякий момент времени на собственный лад.

Еще одна идея, высказанная Пиндером, состоит в следующем: всякое поколение строит особенную "энтелехию", которая одна только и придает ему качественное своеобразие. Хотя Дильтей был убежден, будто в поколении как сообществе должно наличествовать внутреннее единство, которое имеет определяющее интеллектуальное и социальное влияние, в его анализе отсутствует допущение о чисто качественной форме связи поколения с современностью как таковой. Хайдеггер попытался поправить дело своей концепцией "судьбы" как первостепенного фактора единения; наконец, Пиндер выступил со своим представлением об "энтелехии" в традиции современной истории искусства.

Энтелехия поколения, считает Пиндер, представляет собой выражение единства его "внутренней цели" - врожденного способа жизни - и мироощущения. Эта концепция энтелехии, пересмотренная под углом зрения немецкой истории искусства, состоит, в сущности, в перенесении понятия "художественной воли" по Риглю

(Kunstwollen)¹³, относящегося к феномену единства артистических стилей, на феномен единства поколений, точно так же, как самое понятие "художественная воля" возникло в результате оплодотворения - под воздействием позитивизма - морфологической тенденции, которая уже была присуща историцистскому понятию "народный дух" (Volksgeist).

Понятие "дух времени" (Zeitgeist), которое вскоре после того стали усердно разрабатывать, ныне превратилось, если обратиться к другой излюбленной Пиндером¹⁴ музыкальной аналогии, в акцидентный аккорд; его кажущаяся гармония создается совпадением нот по вертикали, а на самом деле она обязана первичной горизонтальной подчиненности различным партиям (т.е. присущим поколениям - энтелехиям) фуги. Представление о генерациях - энтелехиях служит, таким образом, делу разрушения чисто темпоральных воззрений на эпоху, которым в прошлом придавали преувеличенное значение (скажем, духу времени или эпохи). Как промежуток времени, эпоха не имеет ни гомогенного ведущего импульса, ни гомогенного принципа формы — ей не присуща энтелехия. В лучшем случае, ее единство состоит в родственном характере средств, обеспечивающих в данный период поколениям, которые в нем проживают, выполнение тех или иных исторических задач. У периодов имеется своя характерная окраска - "подобные оттенки действительно существуют, но как бы в виде отблеска, в котором можно наблюдать множество цветов различных поколений и возрастных групп"¹⁵.

Хотя из отрицания существования энтелехии, присущей каждой эпохе, следует, что эпохи в историческом анализе впредь не могут служить четким ориентиром и что понятие "Zeitgeist" релятивизируется и становится непригодным, остаются другие обычно используемые в качестве параметров понятия. Согласно Пиндеру, помимо энтелехии поколений, существуют энтелехии искусства, языка и стиля, энтелехии племен и народов и даже энтелехия Европы. Наконец, существуют личные энтелехии.

Но из чего тогда, по Пиндеру, складывается исторический процесс? Из игры постоянных и преходящих факторов. Постоянные факторы - это цивилизация, нация, племя, семья, отдельное бытие и типичный образец; преходящие факторы суть уже упомянутые энтелехии. "Утверждается, что рост важнее опыта ("влияний", "взаимосвязей"). Утверждается, что жизнь искусства, как ее наблюдает историк, состоит во взаимодействии определяющих энтелехий,

порожденных таинственными природными процессами, с равно существенными сцеплениями, влияниями и отношениями, испытываемыми в действительном развитии этих энтелехий"¹⁶. Здесь сразу же поражает то, что среди перечисленных определяющих факторов социальный фактор даже не упомянут.

В самом деле, германская романтическая тенденция полностью затемняет тот факт, что между естественной, или физической и ментальной сферами существует бытийный уровень, на котором действуют социальные силы. Либо выявляется полностью спиритуалистическая установка и все сущее выводится из энтелехий (существование которых, впрочем, нельзя отрицать), либо чувство долга заставляет ввести некоторый элемент реализма, и тогда в расчет принимается ряд голых биологических факторов. К примеру, раса и поколение (наличие которых опять-таки приходится признать), с тем, чтобы на этот раз представить факты культуры в качестве "таинственного естественного процесса". В мире, без сомнения, есть тайны, но, ссылаясь на них как на объяснение, следовало бы делать это, что называется, к месту, а не тогда, когда понимать агломерат смыслов вполне возможно исходя из социальной процессности. История мысли и культуры, разумеется, формируется, среди прочего, социальными отношениями, в ходе которых люди поначалу противостоят друг другу, а затем образуют коллективы, в рамках которых обретают некий общезначимый стимул. В конкретных обстоятельствах борьбы вырабатываются энтелехии и, через их посредство, влияния, в значительной степени формирующие искусство, религию и т.д. Вероятно, полезно было бы спросить друг у друга, в самом ли деле общество не в состоянии произвести ничего, кроме как "влияния" и "отношения"? И наоборот, быть может, социальным факторам присуща определенная творческая энергетика, созидательная сила, собственная социальная энтелехия? Разве невозможно, что энергия, возникающая из взаимодействия социальных сил, составляет связующее звено между другими энтелехиями - искусства, стиля, поколения и т.п., пути которых в противном случае пересекались бы или встречались только случайным образом? Отказавшись рассматривать этот вопрос с подобной точки зрения и предположив наличие непосредственной взаимосвязи между духовным и витальным без опосредующих социальных и исторических факторов, легко впасть в соблазн - вывод, будто особенно продуктивные поколения суть "случайные продукты природы"¹⁷, а "вопрос о времени рождения - гораздо более трудная и таинственная

проблема, нежели время смерти"¹⁸. Насколько же более трезвым и более созвучным подлинному аналитическому порыву является суждение Дильтея, в котором он, так сказать, с опережением опроверг подобные спекуляции: "В настоящее время самое естественное было бы предположить, что, в общем, и степень и распределение способностей для каждого поколения одинаковы, что уровень продуктивности народного бытия неизменен; поэтому как распределение, так и интенсивность достигнутого следовало бы объяснять, исходя из двух других условий"¹⁹. Идея Пиндера о "несовременности современного", так же как его концепция энтелехий (та и другая представляют собой результат романтико-исторического подхода и, несомненно, для позитивизма недостижимы), неоценимы, даже гениальны. Но в отношении духа науки его метод, когда он им пользуется для аналогий, становится вредоносным. Соответствующий образ мысли, который фактически берет начало в спекуляциях по поводу философии природы, имевших хождение в эпоху Ренессанса, романтиками был воскрешен и в гротескных размерах раздут; Пиндер в данном случае использует его, тщась выработать биологический алгоритм. Его конечная цель состоит в том, чтобы установить доступные для измерения (отчасти более гибкие, чем это принято) интервалы истории, воспользовавшись в целях обнаружения циклов рождения, якобы имеющего решительное влияние на историю, магической формулой поколений. Джоэл²⁰, выдающийся в других отношениях ученый, позволяет себе в этой области еще менее того правомочные конструкции. Его последняя публикация о вековом ритме в истории неминуемо напоминает читателю романтические спекуляции.

Большинство исследователей, те, кто полагает, будто проблема поколений в действительности существует лишь постольку, поскольку можно установить периодический, с неизменными интервалами, ритм поколений, стали жертвами недоразумения. Но даже если выяснить подобные интервалы представляется невозможным, проблема поколений остается важной, плодотворной областью исследования.

Мы еще не знаем, в самом ли деле в истории действует вековой ритм; возможно, некогда его обнаружат. Но необходимо со всей определенностью отвергнуть все попытки обрести его путем спекулятивного воображения, в частности, когда спекуляция, будь она по своему характеру биологическая или духовная, - всего-навсего предлог для того, чтобы избежать исследования более близкой и более прозрачной фабрики социальных процессов и их влияния на

феномен поколений. Всякий биологический ритм должен вырабатываться через посредство социальных событий: даже если эта важная группа образующих факторов остается неисследованной и даже если все происходит непосредственно в силу витальных факторов, все благоприятные возможности, содержащиеся в оригинальной формулировке проблемы²¹, при таком способе ее решения оказываются отброшены.

2. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ПОКОЛЕНИЙ

Проблема поколений весьма значительна и заслуживает серьезного рассмотрения. Она - бесценное руководство для понимания структуры социальных и интеллектуальных движений. Ее практическая значимость становится ясна, стоит только попытаться получить более точное представление об ускоренном темпе характерных для современности социальных изменений. Если бы ее элементы, вообще говоря, вполне доступные для непосредственного исследования, постоянно бы утаивались ввиду распространенности ненаучных методов, это было бы достойно сожаления.

Из предыдущего обзора проблемы, который был нами предпринят, ясно, как она ныне ставится, во всяком случае, что общепринятого подхода к ней не существует. Обществоведение в разных странах редко принимает в расчет результаты, достигнутые зарубежными коллегами, а в Германии они по-прежнему игнорируются. К тому же, проблема поколений затрагивалась специалистами подряд многих разных дисциплин, и в итоге получено множество побочных сведений, интересных взглядов на ее всеобъемлющее решение, но отсутствует осознанно направленное на исследование на основе ясной формулировки проблемы в целом.

Множественность точек зрения, ставшая результатом как специфики теоретических традиций, присущих разным странам, так и особенностей, свойственных отдельным наукам, и симпатична и плодотворна; нет сомнений в том, что столь широкая проблема может быть решена в результате сотрудничества между самыми разными народами и научными дисциплинами. Но сотрудничество следует как-то планировать и управлять им из некоего органического центра. Нынешний статус проблемы поколений есть разительная иллюстрация анархии в науках об обществе и культуре, где всякий начинает

сызнова, со своей собственной точки зрения (что до некоторой степени, разумеется, необходимо и полезно), никогда не задумываясь над тем, чтобы рассмотреть те или иные аспекты проблемы как ее составные части так, чтобы можно было бы планировать, какой вклад в ее решение могли бы внести разные научные дисциплины.

Естественно, что всякая попытка заорганизовать социологию и культурологию нежелательна, но стоит, по крайней мере, рассмотреть такой вопрос: нет ли какой-либо одной научной дисциплины, которая, учитывая характер изучаемой проблемы, могла бы послужить организующим центром в целях ее разработки всеми прочими отраслями знания. Постольку, поскольку это относится к поколениям, задача эскизной разметки проблемы, несомненно, ложится на социологию. Разработать простейшие, но в то же время самые фундаментальные факты, относящиеся к феномену поколений, - это, по-видимому, задача Формальной Социологии. Но в сфере формальной социологии проблема помещается между исследованиями статического и динамического типа. Вопреки тому, что формальная социология до сих пор склонялась по большей части к исключительно статическому изучению общественного бытия человека, эта частная проблема, по-видимому, является одной из тех, что удостоверяют происхождение социальной динамики законов, управляющих действием динамических компонентов социального процесса. Соответственно, в этом моменте нам придется перейти от формальной статики к формальной динамике, а от нее - к прикладной исторической социологии: эти три направления в совокупности вмещают всю область социологического анализа.

На последующих страницах мы попытаемся выработать формальные социологические понятия для самых основных фактов, относящихся к феномену поколений, не разъяснив которые к историческому исследованию проблемы нельзя даже приступить. Постараемся включить все результаты действительно уместных прошлых исследований, а о тех, что не производят впечатление достаточно обоснованных, умолчим.

А. Конкретная группа - социальное местоположение (Lagerung)

Чтобы получить ясное представление об основной структуре феномена поколений, надлежит разъяснить специфические взаимоотношения индивидов, составляющих одно поколение.

Поколение не образует сообщество через посредство социальных уз того типа, что ведут к формированию конкретных групп, хотя иногда может случиться, что чувство единства осознается в качестве основания для создания конкретных групп по возрастному признаку, как, например, в случае современного Германского молодежного движения²². Но в этом случае группы чаще всего представляют собой просто клики с единственной отличительной чертой: образование группы основано на сознании принадлежности к одному поколению, а не на определенных целях.

Не считая отдельных случаев, можно, вообще говоря, провести различие между, с одной стороны, поколениями как просто общими обстоятельствами и, с другой, — конкретными социальными группами. Примеры подобных конкретных групп - организации, создаваемые для специфических целей, как то семья, племя, секта и т.п. Их общая черта обнаруживается в том, что индивиды, из которых они составлены, действительно образуют группу в конкретной форме:

то ли как объединение, основанное на витальных, экзистенциальных связях "близости", то ли сознательно, в результате рационального и волевого целеполагания. Все группы типа "общности" (Gemeinschaftsgebilde) основываются на "близости", типа "общества", ассоциации (Gesellschaftsgebilde) — на общем целеполагании.

Поколение не есть конкретная группа в том же смысле, что общность, т.е. группа, которая не может существовать, если ее члены не располагают конкретным знанием друг о друге и которая как интеллектуальное и духовное сообщество перестает существовать, если только нарушена "близость". С другой стороны, оно никоим образом несопоставимо с ассоциациями, например, организациями, образованными для специальных целей, так как для тех характерны обдуманый акт основания, письменный устав и механизм роспуска - качества, которые служат сплочению группы, даже если в ней нет связей, определенных пространственной близостью и общностью жизни.

Итак, под конкретной группой подразумевается союз некоторого числа индивидов, осуществляемый в силу естественно развившихся или установленных осознанно-волевым усилием связей. Люди, принадлежащие к одному поколению, несомненно, некоторым образом связаны друг с другом. Однако связи между ними не приводят к

образованию конкретной группы. Но если так, то в состоянии ли мы определить и понять природу поколения как социального феномена?

Вероятно, ответ может быть найден, если поразмыслить над характером социальной категории совершенно иного сорта, материально совершенно не похожей на поколение, но имеющей с ним определенное структурное сходство, а именно над характером категории "классовое положение" (Klassenlage) индивида в обществе.

В своем широком смысле классовое положение можно определить как "местоположение" (Lagerung), которое определенные индивиды занимают в экономической и властной структурах данного общества, как их "долю". Пролетарий, предприниматель или рантье — всяк потому тот, кто он есть, что постоянно отдает себе отчет о характере своего персонального "местоположения" в социальной структуре, т. е. о тяготах или, наоборот, выгодах, которые вытекают из этой его позиции. Место в обществе не похоже на членство в организации, определенное сознательным волевым актом. Оно и не связывает тем же образом, что принадлежность к общности (Gemeinschaft), которая означает, что все стороны личного бытия испытывают влияние конкретной группы.

Существует возможность изменения классовый позиции, что происходит ввиду индивидуального или коллективного восхождения либо нисхождения по социальной шкале, безотносительно к тому, происходит ли это благодаря личным заслугам, личным усилиям, социальному перевороту или просто случаю.

Членство в организации теряет силу, как только мы заявляем о намерении из нее выйти; сплоченность группы типа "общности" перестает существовать, если прекращается воздействие на тех, кто к ней принадлежит, умственного и духовного уклада, на котором основывается ее существование. Что же касается классового положения, то оно становится неуместным, как только мы достигаем нового положения в результате изменения в нашем экономическом и политическом статусе.

Классовое положение представляет собой объективный факт независимо от того, осведомлены мы о своем классовом положении или нет, признаем мы его или нет. Действительно, классовому положению не обязательно сопутствует классовое сознание, хотя в определенных социальных условиях оно может побудить подъем классового сознания, сообщать тому определенные черты и даже привести к формированию "сознательного класса"²³. Но сейчас нас интересует

лишь социальное местоположение в качестве общего явления и как таковое. В отличие от конкретной социальной группы феномен одинакового местоположения множества индивидов в социальной структуре - это то, под что подпадают как классы, так и структуры.

В этом моменте мы делаем первый шаг в направлении анализа феномена "местоположения" как отличного от феномена "конкретная группа", шаг, благодаря которому становится ясно, что единство поколения составляется, главным образом, сходным местоположением множества индивидов в социальном пространстве.

Б. Проблема поколений в биологической и социологической формулировках

Сходство местоположения может быть определено только путем спецификации структуры, в которой и через посредство которой это коллективное местоположение возникает в историко-социальной реальности. Классовое положение основано на бытовании в обществе изменяющейся экономической и властной структуры. Местоположение поколения - на существовании в человеческом бытии биологического ритма: факторов жизни и смерти, ограниченных во времени периодов жизни и старения. Индивидам, принадлежащим к одному и тому же поколению, родившимся в один год, свойственно общее местоположение в исторической протяженности социального процесса.

Теперь можно предположить, что социологический феномен местоположения объясним и выводится из этих основных биологических факторов. Но было бы ошибкой придерживаться натуралистических теорий, которые все стремятся дедуцировать социологические явления непосредственно из природных фактов, или в массе сведений, относящихся главным образом к антропологии, упускают социальный феномен из виду вообще. Антропология и биология лишь помогают нам объяснить такие явления, как жизнь и смерть, жизнь как промежуток времени, умственные, духовные и физические изменения, сопутствующие старению как таковому; объяснения уместности этих первичных факторов в формировании социальных взаимосвязей в их историческом течении они не предлагают.

В конечном счете, поколение в качестве социологического феномена основывается на биологическом ритме рождения и смерти. Но быть основанным на факторе - не обязательно значит быть выводимым из него или им подразумеваться. Если феномен основывается

на другом феномене, он не может существовать без этого другого феномена; однако ему принадлежат определенные, присущие ему самому черты, которые ни в коей мере не заимствованы у основного феномена. Если бы не социальное взаимодействие между людьми, не было бы поддающейся определению социальной структуры, истории, основанной на определенном сорта преемственности, а, значит, феномен социального местоположения не мог бы существовать, а были бы просто-напросто рождение, старение и смерть. Поэтому социологическая проблема поколений начинается с открытия социологической уместности этих биологических факторов. Это, так сказать, первый момент. Вторым должна стать попытка понять поколение как частный тип социального местоположения.

В. Тенденция, которая для социального местоположения "неотъемлема"

Факты принадлежности к одному и тому же классу и к одному и тому поколению или возрастной группе имеют общую черту: в обоих случаях индивиды наделены положением в социальном и историческом процессе; тем самым до определенного уровня ограничивается их потенциальный опыт, и они склоняются к специфическому образу мыслей и характерному, исторически уместному образу действий. Если так, то конкретное местоположение исключает большое разнообразие стилей мысли, опыта, чувств и поступков, обозначает предел для персонального самовыражения. Однако эта негативная граница не исчерпывает существа дела. Каждому местоположению в позитивном смысле присуща тенденция, ориентирующая на определенные способы поведения, чувствования и мышления.

В данном смысле, мы поэтому говорим о тенденции, "присущей" всякому социальному местоположению; тенденции, которая может быть установлена, исходя из специфического характера местоположения как такового.

Каждой группе лиц принадлежащих к одному классу, общество всегда представляется под одинаковым углом зрения, оно знакомо им из регулярного опыта. Можно отметить, что эмпирическая, интеллектуальная и эмоциональная информация, которая доступна членам определенного общества в целом, не "дана" им всем единообразно; фактически, скорее для каждого класса доступен лишь ряд данных из этой информации, как бы частный ее "аспект". Например,

пролетарию, вероятнее всего, назначено пользоваться лишь частью культурного наследия, которым располагает общество; она в определенном смысле является уделом его класса. Даже в строго однообразной интеллектуальной атмосфере католического средневековья она была разной для клирика-теолога, рыцаря или монаха. Как бы теоретический материал ни был единообразен или, по крайней мере, одинаково доступен всем, подход к материалу, способ, которым он усваивается и используется, определен социальными факторами. В подобных случаях мы обычно говорим, что подход детерминирован особыми традициями рассматриваемого общественного слоя. Но сами эти традиции объяснимы и понятны, не только исходя из истории этого слоя, но, прежде всего, исходя из отношений, связанных с местоположением его членов в обществе. Традиции, действующие в особом направлении, существуют, пока отношения, связанные с местоположением группы и ими признаваемые, остаются более или менее неизменными. Конкретная форма модели существующего поведения или продукта культуры наследуется не из истории частной традиции, но, в конечном счете, из истории отношений, связанных с местоположением; в их рамках она сначала вырастает, а затем застывает в традицию.

Г. Поколения: принципиальные факты

Итак, как было сказано, социальный феномен "поколение" представляет собой не более чем особый тип тождественности местонахождения, в данном случае — запечатленных в историко-социальном процессе "возрастных групп". Если природа местоположения класса объяснима, исходя из экономических и социальных условий, то местоположение поколения предопределено тем способом, которым обычно воплощаются в реальность определенные образцы опыта и мысли, - естественными фактами перехода от одного поколения к другому.

Наилучший способ оценить, какие черты социальной жизни обязаны своим существованием поколениям, — это вообразить себе, чем бы была социальная жизнь человека, если бы всегда жило только одно несменяемое поколение. По контрасту с таким утопическим, воображаемым обществом в нашем реальном присутствуют следующие черты²⁴:

- а) в ходе культурного процесса появляются новые участники;

- б) тем временем прежние участники этого процесса постепенно исчезают;
- в) члены каждого одного поколения могут участвовать только в промежутке исторического процесса, ограниченном временем;
- г) поэтому необходимо непрерывно передавать накопленное культурное наследие;
- д) переход от одного поколения к другому представляет собой постоянный процесс.

Таковы главные феномены, подразумеваемые просто самим фактом существования поколений, не считая особый феномен, на котором мы предпочли пока не останавливаться; а именно физическое и умственное старение²⁵. Для начала рассмотрим значение этих основных фактов для формальной социологии.

а) Непрерывное появление новых участников культурного процесса

По контрасту с воображаемым обществом, в котором поколений нет, наше общество, где поколение сменяет поколение, характеризуется тем обстоятельством, что культуротворчество и накопление культуры не доводятся до конца одними и теми же лицами; вместо того то и другое непрерывно воспроизводится в новых возрастных группах.

Первым делом, это означает, что нашу культуру развивают люди, сызнова вступающие в соприкосновение с накопленным наследием. Наша психическая природа такова, что свежий контакт (встреча с чем-либо сызнова) всегда подразумевает изменение чувства дистанции относительно объекта и новый подход к усвоению, использованию и развитию предлагаемого материала. Явление "свежего контакта" в данном случае имеет большое значение во множестве социальных контекстов; проблема поколений - только одна из тех, на которые она налагает отпечаток. Свежие контакты играют важную роль в жизни индивида, когда ход событий заставляет его оставить собственную социальную группу и войти в новую, - например, когда юноша покидает отчий дом, или крестьянин перебирается из деревни в город, или эмигрант оставляет родину, или честолюбец порывается повысить свой социальный статус. Хорошо известно, что во всех этих случаях происходит заметная, разительная трансформация сознания лиц о которых шла речь, причем не просто в том, что касается

содержания опыта, но его личностного - умственного и духовного — переживания. В каждом случае свежий контакт является событием биографии, а в случае поколений приходится говорить о "свежих контактах" в смысле прибавления новых психофизических качеств, дающих в буквальном смысле слова "новую жизнь". Если к упомянутым юноше, крестьянину, эмигранту и честолюбцу это понятие относится более или менее условно, то для поколений "свежий контакт" с социальным и культурным наследием обусловлен не просто социальным изменением, но фундаментальными биологическими факторами. Соответственно, можно провести различие между двумя типами "свежих контактов": одни основываются на сдвиге в социальных отношениях, а другие - на витальных факторах (изменение от одного поколения к другому). Второй тип потенциально гораздо более радикален, так как с вхождением в культуру нового участника имеет место изменение установки у другого лица, чья установка к наследию, переданному его предшественниками, обновляется.

Если бы поколение не сменялось бы поколением, то "свежих контактов" подобного, биологического типа не было бы. Если бы культурный процесс всегда осуществлялся бы одними и теми же лицами, то, конечно же, "свежие контакты" все же могли бы происходить в результате сдвигов в социальных отношениях, однако более радикальная форма "свежих контактов" отсутствовала бы. Будучи однажды установленным, любой фундаментальный социальный образец (например, установка или тенденция мысли), вероятно, остается навсегда. Само по себе это преимущество, если, однако, не принимать во внимание риски, вызванные односторонностью. Компенсация за утрату свежих поколений в подобном утопическом обществе могла бы состоять лишь в том, что люди, которые бы в нем жили, обладали, как то приличествует обитателям Утопии, совершенно универсальным рассудком - умом, способным воспринимать все, что дано для восприятия, и знать все, что дано знать, при этом во всякое время испытывая предельную радость от возможности начинать все сызнова. "Свежие контакты", возникающие в результате сдвигов, которые происходят в исторической и социальной ситуации, могли бы быть достаточны, чтобы внести изменения в мысль и практику, изменения, необходимые ввиду переменившихся условий, только в том случае, если индивиды, осуществляющие эти свежие контакты, располагали бы подобной совершенной "гибкостью ума". Беспредельное появление новых людей в нашем обществе выступает как

компенсация за ограниченный и пристрастный характер индивидуального сознания. Оно, конечно, приводит к некоторым потерям в процессе накопления культуры; но, с другой стороны, только оно и дает возможность, когда это необходимо, сделать свежий выбор; оно же облегчает переоценку "инвентаря", а также научает нас забывать то, что уже бесполезно, и жаждать того, что надлежит достигнуть.

б) Непрерывное выбывание прежних участников культурного процесса

Функция этого второго фактора подразумевается тем, что уже было сказано. Он служит необходимой социальной цели — наделяет нас способностью забывать. Поскольку общество имеет протяженность во времени, забвение и действие, начинающееся как бы с нуля, также важны, как и социальная память.

Здесь необходимо пояснить, в какой социальной форме проявляется память и каким образом на самом деле аккумулируется культурное наследие. Реально все данные, относящиеся к психике и культуре, существуют лишь постольку, поскольку они производятся и воспроизводятся в настоящем; следовательно, прошлый опыт уместен, когда конкретно усвоен в настоящем. Рассмотрим два пути усвоения прошлого опыта:

I. Осознанно признаваемые образцы²⁶, которым люди подражают в своем поведении (например, большинство революций более или менее сознательно следуют образцу Французской революции).

II. Безотчетно "сгущенные", просто "подразумеваемые" или "возможные" модели - прошлого, например, опыта, который "фактически" содержится в таких специфических проявлениях духа, как сентиментальность. Всякое действие в настоящем связано с отбором, по большей части бессознательным, "подручных" сведений. В ходе его традиционный материал преобразуется, так чтобы соответствовать ныне преобладающему положению или прежде не привлекавшим внимание, а также находящимся в небрежении возможностям, которые присущи материалу и обнаруживаются в ходе формирования новых моделей поведения²⁷.

На более примитивных уровнях социальной жизни мы обыкновенно сталкиваемся с неосознанным выбором. Прошлые тенденции претворяются в настоящее в "сгущенной", "подразумеваемой" или "возможной" форме. Даже в нынешней общественной

реальности можно наблюдать, как там, где темпы перемен незначительны, этот неосознанный выбор осуществляется в глубоких пластах интеллектуальной и духовной жизни. Сознательный и обдуманый выбор необходим лишь тогда, когда уже недостаточны полусознанные преобразования - те, что могут быть приведены в действие при традиционалистском складе ума. Вообще говоря, рациональное уяснение и размышление вторгаются только в те области опыта, в которых в результате изменений исторической и общественной ситуации возникают проблемы; там, где дело обстоит таким образом, что необходимые преобразования без сознательного размышления и соответствующей методики разрешения более проводиться не могут.

Главным образом, непосредственная осведомленность распространяется на те аспекты нашей культуры, которые становятся предметом рефлексии. Они отражают лишь то, что в ходе развития в какой-то его момент тем или иным образом становится проблематичным. Из этого, однако, не следует, будто соответственные элементы культуры, уже осознанные и обдуманные, не могут снова погрузиться в беспроблемный, непотревоженный, так сказать, растительный участок жизни. Во всяком случае, тип памяти, который хранит прошлое в форме рефлексии, не столь уж важен: он простирается на гораздо более ограниченный опыт, нежели тот ее тип, в котором прошлое представлено лишь как "имплицитное", "возможное"; осознанные элементы чаще зависят от неосознанных, чем это случается наоборот.

Здесь нам следует провести принципиальное различие между целесообразной памятью и персонально приобретенной (различие, относящееся как к осознанным, так и к неосознанным элементам). Разница проистекает из того, приобретаю я свою память в процессе развития личности или же просто беру ее откуда-то еще. Реально я владею только той памятью, которую я создал непосредственно для себя; только из знаний, которым ей обязан, я извлекаю личную пользу в конкретных ситуациях. Это единственный тип знания, который реально "остается" и имеет реально обязывающую силу. Из этого следует, что, хотя выглядит желательным, чтобы такое положение вещей, при котором в духовном и интеллектуальном плане человек владел только лично приобретенной памятью, существует риск, что способы овладения и приобретения знания, используемые прежде, становятся препятствием для новых обретений. Тот опыт, что приходит с возрастом, дает преимущества во многих отношениях. С другой стороны, недостаток опыта у молодежи подразумевает уменьшение

балласта, облегчение ее жизни в меняющемся мире. Каждый человек стареет постольку, поскольку²⁸ начинает жить в рамках специфического, лично приобретенного, полезного опыта, которым он обязан прошлому. Таким образом, всякий новый опыт обретает заранее для того обусловленную форму и место. В молодости, когда жизнь в новизну, созидательные силы лишь пробуждаются, а в процессе развития в новых ситуациях, как формообразующей силой, можно воспользоваться главными установками. Таким образом, человечество всегда живет, как бы научась забывать о необходимости возмещать недостатки, присущие новым поколениям.

в) Тот, кто принадлежит к какому-либо поколению, может участвовать лишь в отрезке исторического процесса, ограниченном во времени

В законченном виде последствия этого основного факта предстают в свете того, о чем будет рассказано далее.

Первые два фактора - (а) и (б) - затрагивают определенные аспекты "омоложения" общества. Только через посредство нового рождения в мир приходят такие вещи, как новая жизнь, новая судьба, новые ожидания, новый отсчет опыта. Все это подразумевается фактором социального омоложения. Теперь же мы обратимся к фактору, который доступен для адекватного исследования лишь исходя из категории "сходство местоположения". Выше о ней уже упоминалось, но недостаточно подробно²⁹.

Прежде всего, те, кто принадлежит к конкретному поколению, имеют "схожее местоположение" постольку, поскольку находятся под воздействием одной и той же фазы общего процесса. Но это всего-навсего механический и внешний критерий феномена "сходство местоположения". Для того чтобы понять его глубже, необходимо обратиться к феномену "стратификации" опыта (Erlebnisschichtung). Ранее мы точно так же обращались к феномену "памяти". То, что люди родились в одно время или что их юность, зрелость и старость совпадают во времени, само по себе не есть сходство местоположения. Действительно, оно состоит в том, что люди находятся в состоянии быть свидетелями и участниками одних и тех же событий, в особенности в связи с тем, что соответствующий опыт вторгается в сходным образом "стратифицированное" сознание. Нетрудно понять, почему простая хронологическая одновременность не может сама по

себе продуцировать для поколения общность местоположения. Например, никто не станет утверждать, будто оно существовало у молодежи Китая и Германии, скажем, в 1800 г. Об общности местоположения поколения мы вправе говорить только тогда, когда современники в состоянии участвовать в определенном общем опыте в качестве интегрированной группы. Одновременность приобретает социологическую значимость только тогда, когда подразумевает участие в одних и тех же исторических и социальных событиях. Далее, для понимания вышеотмеченного феномена "стратификации" следует принять во внимание, что некоторые старшие поколения переживают исторический процесс совместно с молодым поколением и, тем не менее, нельзя утверждать, что имеют с ним одинаковое местоположение. Тот факт, что их местоположение неодинаково, можно объяснить главным образом резкой "стратификацией" их жизни. Сознание людей, в структурных терминах, характеризуется специфической внутренней "диалектикой". Для его формирования очень важно, какому опыту случилось произвести важнейшие "первые впечатления", "детские переживания", а какой последующий образовал его второй, третий и т.д. "слои". Оценивая биографическое значение взятого в отдельности опыта, важно знать, что для конкретного человека более существенно - опыт детства или последующей жизни, опыт какого именно периода биографии преобладает над прочими жизненными впечатлениями. Ранние впечатления обычно срастаются в кругозор, характерное мировосприятие, - исходя из которого осмысливается весь поздний опыт, - в подтверждение и исполнение сложившегося мировосприятия или как его отрицание, антитеза. В ходе жизни опыт не аккумулируется посредством процесса суммирования или накопления, а "диалектически" артикулируется вышеописанным образом. Здесь нет возможности заняться анализом специфических типов этой диалектической артикуляции, которая, в потенции, присутствует повсюду, где мы действуем, думаем или чувствуем, более подробно ("антитеза" — это лишь один из способов, которым новые переживания "прививаются" к прежним). Но почти наверняка сохраняется преобладающее влияние ранних впечатлений - даже если чья-либо жизнь складывается как долгий процесс отрицания и разрушения характерного мировосприятия, обретенного в юности. Ибо даже в отрицании главным нашим ориентиром является то, что отрицается, и, таким образом, пусть неумышленно, оно служит для нас побуждением. Запомнив, что лик и формы всякого конкретного опыта

приобретаются, исходя из его отношения к первичному слою переживаний (того, что наделяет все прочее значением), можно оценить его важность для последующего развития сознания человека. Другой тесно связанный с только что описанным явлением факт состоит в том, что любые, следующие одно за другим поколения, как внутри, так и вовне себя, всегда сталкиваются с разными оппонентами. Тогда как старшее все же может бороться с чем-то в своих рядах и во внешнем мире, так что все его чувства, усилия и даже понятия и категории мысли обусловлены чувствами и т.п. противника, для младшего этот противник может просто не существовать: основная ориентация этого, поколения совершенно другая. То, что историческое развитие разворачивается не прямолинейно, - его черта, которая часто наблюдается, в частности, в сфере культуры, — приписывается, главным образом, этому смещению "полярных" компонентов жизни, т. е. тому обстоятельству, что внутренние и внешние враги то и дело исчезают и на их место заступают другие. Снова вообразим общество, в котором не было бы этой диалектики сменяющихся поколений. В нем все его диалектические черты возникали бы из социальных противоположностей (при условии, что подобные противоположности имели бы место). Главный слой опыта членов этого воображаемого общества состоял бы просто из самых ранних переживаний человечества; любой более поздний опыт осмыслился бы, исходя из содержания этого слоя.

2) Необходимость в постоянной передаче культурного наследия

Необходимо, по крайней мере, отметить некоторые структурные факты, которые вытекают из этого положения. Хотя бы только одну проблему: утопическое общество бессмертных не сталкивалось бы с необходимостью передачи культуры, самый примечательный аспект которой заключается в автоматической трансляции в адрес новых поколений традиционного образа жизни, ощущений и установок. Как в количественном, так и в качественном отношении данные, сообщенные путем сознательного обучения, не столь уж важны. Все те установки и идеи, что продолжают удовлетворительно действовать в новой ситуации и служат основным инвентарем коллективной жизни, передаются и транслируются неосознанно и неумышленно: они как бы просачиваются от учителя к ученику, а те об этом не подозревают. То же, что сознательно изучается или внедряется, — это

вещи, которые в ходе времени каким-то образом, в какой-то момент становятся проблематичными и поэтому располагают к рефлексии. Так происходит потому, что инвентарь опыта, усвоенного в ранней молодости, часто выступает как исторически самый старый слой сознания, вследствие чего имеет тенденцию к установлению в качестве характерного мировосприятия³⁰.

Впрочем, в раннем детстве даже многие рефлексивные элементы усваиваются тем же "апроблематичным" образом, что и элементы, принадлежащие "основному инвентарю". Зачаток самобытной умственной и духовной жизни, латентно свойственный новорожденному, пока что ни в коей мере не получает должное. Возможность действительно озадачиваться, раздумывать появляется только лишь в тот момент, когда начинается собственное экспериментирование с жизнью, - где-то около 17 лет, иногда несколько раньше или позже³¹. Тогда-то проблемы жизни и начинают помещаться в "настоящее" и воспринимаются в таком качестве. Тот уровень данных и установок, который социальная эволюция превращает в проблематичный и который поэтому требует размышления, теперь достигнут; первое время проживается "в настоящем". Воинствующие молодежные группировки борются за то, чтобы прояснить проблемы, но никогда не отдают себе отчет в том, что, как бы они ни были радикальны, им просто не под силу трансформировать высший слой сознания, открытый для сознательного размышления. Ибо, по-видимому, те слои, что глубже, дестабилизировать нелегко³², и когда это становится необходимым, процесс должно начинать на уровне размышления и довести до уровня (слоя) привычек³³. "Новизна" молодости поэтому состоит в том, что она ближе к "современным" проблемам (в результате ее "потенциально свежих контактов", о чем уже упоминалось), а также в том, что она драматически осознает процесс дестабилизации и находится на его стороне. Старшее поколение тем временем остается верным той переориентации взглядов, которая составляла драму его юности.

Если принять во внимание эту точку зрения, можно понять следующее: адекватное воспитание или обучение молодого человека (в смысле полной передачи всех стимулов опыта, что составляют подоснову прагматического знания) встречается с трудно преодолимой сложностью - эмпирические проблемы молодого человека обусловлены иным, нежели у его учителей, набором противоречий. Поэтому (исключая точные науки) взаимоотношения между учителем и

учеником - не такие, как между двумя носителями "сознания вообще", а как между одним возможным субъективным центром жизненной ориентации и другим, последующим. Данное противоречие³⁴ представляется неразрешимым, если бы не один компенсаторный фактор:

воспитывает не только учитель ученика, а и ученик учителя. Поколения находятся в состоянии постоянного взаимодействия.

д) Непрерывная череда поколений

Тот факт, что поколения сменяют друг друга непрерывно, как правило, делает их взаимодействие ровнее: самое старое не входит в соприкосновение с самым молодым тотчас; первые контакты выпадают на долю "опосредующих", т. е. не слишком отдаленных друг от друга, поколений.

Тридцатилетнему интервалу, к счастью, не принадлежит, как то полагает большинство исследователей проблемы поколений, безраздельное значение. Фактически свою роль играют все опосредующие группы; не стирая биологического несходства поколений, они, по крайней мере, смягчают последствия различий. Степень, в которой проблемы молодых поколений сказываются на старших, возрастает с ростом социальной динамики. В условиях статики создается установка почтительности: молодое поколение стремится приспособиться к старшему вплоть до того, что старается выглядеть старше. Но когда социальная динамика усиливается, старшее поколение становится все более восприимчиво к влиянию младшего³⁵. Этот процесс может быть так силен, что, располагая гибким характером, приобретенным благодаря опыту, старшее поколение может достичь в некоторых областях даже большей приспособляемости, нежели среднее, которое еще не научено поступаться своими принципами³⁶.

Итак, постоянная трансформация объективных условий находит отклик в непрерывно надвигающихся поколениях, в первую очередь, в системе их поведения. Когда темп перемен убыстряется, молодежь все меньше и меньше склонна воспринимать соответственные модификации как нечто значительное, вследствие чего оттенки новых импульсов как бы интерполируются между самой старой и самой новой системами ориентации. Находящийся в их основе инвентарь жизненных реакций, который остался не затронут изменениями, выступает как фактор унификации; с другой стороны, постоянное

взаимодействие смягчает различия в верхнем слое, где имеют место изменения. В то же время непрерывающаяся тенденция перехода к нормальному времени уменьшает трения. Резюмируем: если бы социальный процесс не подразумевал смену поколений, то новые импульсы, могущие возникнуть только в новых организмах, не могли бы отражаться на носителях традиции, а если бы переход от поколения к поколению не был бы постоянным, то взаимодействие не могло бы осуществляться без трений.

Д. Статус поколения, поколение как реальность, поколение как общность

Стороны феномена "поколение", которые выводятся путем формального анализа, могли бы всецело обуславливать последствия бытования поколений, если бы развертывались в чисто биологическом контексте или если бы феномен поколений можно было бы понять как просто феномен местоположения. Однако поколение в смысле местоположения этого феномена не отвечает всей его полноте³⁷. Последнее — это нечто большее, чем первое, так же, скажем, как классовое положение — не то же самое, что сознательный класс. Как таковое местоположение указывает на наличие возможностей, которые могут либо материализоваться, либо оказаться подавлены, либо быть включены в другие общественные силы и проявиться видоизмененно. Как уже отмечалось, для вывода относительно общности местоположения в некоем поколении простого сосуществования во времени — недостаточно; теперь к различению поколений необходимо отнестись с большим вниманием. Для того чтобы по местоположению находиться в одном и том же поколении, иными словами, для того чтобы пассивно или активно пользоваться привилегиями (или, наоборот, испытывать затруднения), свойственными местоположению некоего поколения, нужно быть рожденным в одном и том же историческом и культурном ареале. Как реальность поколение подразумевает даже нечто большее, чем просто соприсутствие в подобном историческом и социальном ареале. Чтобы в действительности составлять поколение, необходимо дополнительное звено: участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности³⁸. Займемся же изучением этого феномена.

Выше было сказано, что, например, молодежь в Пруссии в 1800 г. и в близкие к этой дате годы не составляет одно поколение с

китайской молодежью того же периода. Следовательно, принадлежность к одной и той же исторической общности представляет собой самый широкий критерий общности поколения. А в чем ее критерий в самом узком смысле? Можно ли считать молодых крестьян, проживающих в отдаленных районах и почти незатронутых нынешними новациями, в действительности одним поколением с городским юношеством того же периода времени. Разумеется, нет! Причем именно потому, что крестьяне не затронуты событиями, которые служат побудительными мотивами для горожан. Поэтому о поколении как реальности следует говорить лишь в том случае, если между теми, кто принадлежит к некоему поколению, существуют узы, которые проявляются через посредство социальных и интеллектуальных симптомов процесса дестабилизации. Скажем, молодые крестьяне по, в широком смысле, их местоположению как будто бы принадлежат к тому же поколению, что и городская молодежь, но в действительности к нему не принадлежат, хотя потенциально и предрасположены быть втянуты в круговорот социальных перемен. Так это произошло, например, в ходе антинаполеоновских войн, которые расшевелили в Германии все классы. Тогда для крестьянских сынов просто местоположение в поколении трансформировалось в реальную принадлежность к поколению. Будучи индивидами одного и того же возраста, они действительно стали единым поколением со своими сверстниками-горожанами, так как приняли участие в характерных социальных и интеллектуальных течениях своего общества и своего времени, активно или пассивно пережили опыт взаимодействия сил, сформировавших новую ситуацию. В годы антинаполеоновских войн в этот процесс с его приобретениями и утратами оказались втянуты почти все социальные слои — поначалу на волне вызванного войной энтузиазма, а затем в русле религиозного ренессанса. Но здесь возникает еще один вопрос. Допустим, мы игнорируем все группы, которые на самом деле активно не участвуют в процессе социальной трансформации, — означает ли это, что все те группы, которые действительно в нем принимают участие, составляют одно поколение? Например, с 1800 г. мы наблюдаем две контрастирующие группы: одна с ходом времени становилась все более и более консервативной в отношении другой, склонявшейся к рационализму и либерализму. Нельзя сказать, что эти две группы были объединены одной и той же новой ментальностью. Можно ли тогда говорить в данном случае об одном и том же реальном поколении? По-видимому, да, но только если

провести еще одно терминологическое различие. Как романтически-консервативная, так и либерально-рационалистическая молодежь принадлежала реально к одному и тому же поколению; романтический консерватизм и либеральный рационализм были всего-навсего двумя полярно противоположными формами интеллектуальной и социальной реакции на исторический стимул, который испытали все. Романтически-консервативная и либерально-рационалистическая группы молодежи принадлежат к одному и тому же поколению, но образуют в нем отдельные "подразделения". В сущности, это секции поколения, имеющие гораздо более конкретные границы, нежели поколение как таковое. О молодежи, испытывающей те же самые конкретные исторические проблемы, можно говорить как о части одного и того же поколения; те группы в одном поколении, которые придают материалу общего опыта разный, специфический облик, составляют отдельные подразделения в поколении.

Е. Происхождение подразделений в рамках поколения

Теперь появляется вопрос: в результате чего возникает секция поколения? В чем в действительности состоит в этом случае большая интенсивность уз? При рассмотрении всякой подобной секции поражает прежде всего огромное сходство между фактами, формирующими сознание ее членов. Факты, относящиеся к сфере ментальности, важны с социологической точки зрения не только ввиду их реального содержания, но и потому, что побуждают людей со сходным сознанием спланиваться в группу, т. е. им принадлежит социализирующий эффект. Например, понятие "свобода" было важным для либеральной секции поколения не просто в силу реальных требований, которые тем самым подразумевались, а и в связи с тем, что в этом понятии и через его посредство оказалось возможным объединить людей, пространственно и в других отношениях разобщенных³⁹. Но события как таковые не являются главным фактором, создающим группу. Эта функция в гораздо большей степени принадлежит тем формообразующим силам, которые формируют факты и придают им характер и направление. От случайного лозунга к разумному систематическому мышлению, от, по видимости, изолированного жеста к законченному произведению искусства — все это составляет формообразующую тенденцию, общественная значимость которой заключается в энергии, направленной на социальное сплочение индивидов. Глубокое

эмоциональное значение лозунга, выразительного жеста или произведения искусства заключается в том, что мы не просто усваиваем их как объективные данные, но видим в них движитель формообразующих тенденций, источник принципиальных установок к объединению, таким образом отождествляя себя самих с системой коллективных устремлений.

Принципиальные установки к интеграции и формообразующие принципы безусловно важны и для наследования традиций, — во-первых, потому что только они могут сплачивать группу, и, во-вторых, что, возможно, еще важнее, только они становятся базисом для непрерывной практики. Простая констатация факта составляет минимальное условие для длительной практики. С другой стороны, возможность непрерывного мыслительного процесса содержится в любом тезисе, который располагает реальным группообразующим потенциалом; интуитивные ощущения, чувства и произведения искусства, создающие между людьми духовную общность, также содержат в себе потенциально новый способ для своего воссоздания, омоложения и интерпретации в новых ситуациях. Поэтому недвусмысленность, слишком большая ясность не представляет собой явную социальную ценность; условие непрерывной жизни часто состоит в продуктивном недопонимании. Принципиальные интегративные установки и формообразующие принципы суть первичные социализирующие факторы в социальной истории, и, чтобы реально участвовать в коллективной жизни, необходимо их вполне испытывать.

Современная психология доставляет все больше и больше доказательств в пользу гештальттеории человеческого восприятия: даже на самом элементарном уровне восприятия объектов оно не происходит так, как в это заставляла нас верить прежняя, атомистическая психология: целостное впечатление приходит не путем постепенного суммирования множества элементарных данных чувственного опыта, а, наоборот, начинается с общего впечатления об объекте как целом. Но если даже восприятие руководствуется чувством образности, то в еще большей степени это относится к процессу интеллектуальной интерпретации. Может быть множество причин, почему функционирование сознания основывается на принципе образности, но самый вероятный фактор — это сравнительно ограниченная способность сознания в том, что касается безграничности элементарных данных;

совладать с нею можно, лишь используя упрощающий и суммирующий принцип гештальтпсихологии. Понимание вещей исходя из

образа (Gestalt), имеет и социальные корни, которые необходимо здесь рассмотреть. Восприятие и его лингвистическое выражение никогда не существуют исключительно для изолированного индивида, которым они осуществляются; они также действительны для социальной группы, которая стоит за этим индивидом. Так, способ, в котором понимание исходя из образа (Gestalt), видоизменяет данность как таковую (отчасти ее упрощая, отчасти сокращая, отчасти развивая и расширяя), всегда корреспондирует со значением, которое рассматриваемый объект имеет для группы в целом. Мы всегда видим вещи по-особенному; осознаем понятия, исходя из специфического контекста. Форма, в которой предстают вещи, контекст понятий в любом случае несут на себе печать группы, к которой мы принадлежим. По-настоящему войти в группу — это значит нечто большее, нежели просто разделять характерные для нее взгляды, ибо, кроме того, подразумевается способность смотреть на вещи под тем же углом зрения, наделять понятия особенными для этой группы смысловыми нюансами, испытывать психологические и интеллектуальные импульсы в характерной для этой группы конфигурации. Далее, это означает усвоение формообразующих принципов интерпретации новых впечатлений и событий, отвечающих предустановленному группой шаблону.

Социальная значимость этих формообразующих и интерпретативных принципов определена тем, что они суть звенья, объединяющие людей, разделенных в пространстве и вообще, быть может, лично никогда друг с другом не встречавшихся. Просто, общее "местоположение" в поколении важно всего-навсего в потенции, поколение же, как реальность составляется, когда сходным образом "расположенные" современники разделяют общую судьбу, а также идеи и концепции, которые каким-то образом с ней связаны. В общности людей с общей судьбой могут возникнуть отдельные секции поколения, которые характеризуются уже не только свободным участием множества индивидов в одних и тех же, хотя бы и по-разному интерпретируемых, событиях, но, кроме того, тождественными реакциями, определенным родовым сходством в поведении и формировании общих навыков.

Итак, в каждом поколении могут быть многие разные, даже антагонистические секции. Совместно они составляют "реальное" поколение как раз потому, что ориентированы друг на друга, хотя бы даже в плоскости борьбы друг против друга. Те, кто был молодежью

Германии в 1810 г., составляли реальное поколение независимо от того, какую идею они разделяли, — либеральную или консервативную. Но в зависимости от того, были они консерваторами или либералами, эти люди принадлежали к разным подразделениям (секциям) реального поколения.

Поколение-секция обычно налагает на тех, кто к нему принадлежит, гораздо более конкретные и тесные узы, поскольку подразумевает параллелизм реакций. Фактически новые, нескрываемо культивируемые, с фанатично объединительной направленностью установки, которыми характеризуются секции поколения, не возникают самопроизвольно, в отсутствие личных контактов. Они появляются в конкретных группах, там, где взаимная стимуляция в тесно переплетенных жизненных ячейках, воспламеняя участников, сообщает им способность развивать интегративные установки, действительно оправдывающие требования, которые отвечают их общему "местоположению". Однажды таким образом развившись, подобные установки и формообразующие тенденции выказывают способность отдельно от конкретных групп, в которых зарождаются, становиться притягательной и цементирующей силой в гораздо более широкой области.

Поколение-секция, как мы его описали, не является как таковое конкретной группой, хотя в действительности конкретная группа обычно служит для нее ядром, в котором появляются самые существенные концепции; они-то впоследствии и развиваются в секциях. Так, например, набор основных идей, преобладающих в современном германском консерватизме, происходит из конкретной ассоциации — "Christlich-deutsche Tischgesellschaft". Эта ассоциация первой восприняла и переформулировала все иррациональные тенденции, отвечавшие чертам общей ситуации, превалировавшим в то время с точки зрения юных консерваторов в специфическом "местоположении" поколения. Идеи, позже набравшие силу во много более широких кругах, зародились в этой отдельной конкретной группе.

Причина влияния подобных интегративных установок за пределами конкретной группы, в которой они первоначально возникли, состоит, главным образом, в том, что они обеспечивают более или менее адекватное выражение специфического "местоположения"

*Христианско-германское столовое товарищество (нем.).

поколения как целого. Люди вне этой узкой группы, но, тем не менее, со сходным "местоположением", находят в них удовлетворительное выражение последнего в наличной исторической конфигурации сил. Например, классовая идеология зарождается в более тесно сплоченных конкретных группах и получает распространение лишь в той степени, в коей прочие люди видят в ней более и менее адекватное выражение и интерпретацию опыта, свойственного исключительно их личному социальному положению. Сходным образом, основные объединительные установки и формообразующие принципы, символизируемые поколением-секцией, которые первоначально появляются в подобной конкретной группе, лишь тогда становятся на самом деле эффективны и пригодны для распространения в более широких областях, когда в них формулируются типичные ощущения индивидов, разделяющих "местоположение" поколения. В этом смысле конкретные группы приобретают влияние, если преуспевают в установлении "свежего контакта", исходя из "стратификации опыта". В данном отношении аналогию между такими феноменами, как класс и поколение, можно дополнить. Точно так же как классовая идеология в периоды, которые ей благоприятствуют, может стать притягательной за пределами ее собственной среды⁴⁰, некоторые импульсы, свойственные поколению, могут, когда тенденция времени для них благоприятна, привлечь людей из старших или младших возрастных групп.

Но это еще не все. Весьма часто случается, что ядро присущих новому поколению установок поначалу возникает и практикуется старшими из числа тех, кто испытывает в отношении собственного поколения как бы отчуждение (предтечи)⁴¹. Как раз это является причиной того, что предвестники развития специфической классовой идеологии принадлежат к совершенно чуждому классу.

Сказанное не снижает значимости нашего тезиса о наличии основных импульсов, атрибутирующих "местоположение" конкретного поколения, которые, следовательно, могут быть инспирированы поколением-секцией. Главное здесь то, что движитель этих новых импульсов — это всегда коллективность. Реальная почва классовой идеологии — сам класс со свойственными ему возможностями и недостатками. Это положение справедливо даже и для тех случаев, когда авторы идеологий принадлежат к другому классу или когда идеология получает распространение и влияние за пределами своего классового ареала. Точно так же действительной почвой новых импульсов остается "местоположение" поколения (которое избирательно поощряет

одну форму опыта и элиминирует другие), даже если им благоприятствуют другие возрастные группы.

Самый важный момент, который надобно отметить, состоит в следующем: не всякое "местоположение" поколения и даже не всякая возрастная группа вырабатывают новые, оригинальные коллективные импульсы и формообразующие принципы, адекватные специфической ситуации, в которой они находятся. Там, где это происходит, мы говорим о реализации возможностей, присущих "местоположению", и, вероятно, частота подобных "осуществлений" тесно связана с темпом социальных перемен⁴². Когда в результате ускорения темпа социальных и культурных преобразований основные установки изменяются столь быстро, что латентная, непрерывная адаптация и модификация традиционных моделей опыта, мышления и выражения оказывается далее невозможна, где-то тогда происходит консолидация новых достижений опыта. Таким образом, формируются ясно различимый новый импульс, а также новый центр конфигурации. В подобных случаях мы говорим о появлении нового образа поколения или о новой энтелехии поколения.

И здесь можно говорить о двух возможностях. С одной стороны, секция поколения может выстраивать свои труды и деяния по наитию, вне связи с новым, выработанным им самим импульсом, основываясь на интуитивном понимании собственного существования в качестве группы, но не осознавая группу как одно из подразделений поколения. С другой стороны, группы могут сознательно испытывать и даже подчеркивать свою особость как секций поколения, как это происходит, например, в 1920-х годах с германским молодежным движением или даже в определенной степени со Студенческой ассоциацией (Burschenschaft), которая ему предшествовала в первой половине XIX столетия и обнаружила уже тогда многие его черты.

Важность ускорения социальных изменений в плане исполнения потенциала, заложенного в "местоположении" поколения, ясно обнаружилась в том факте, что большинство статичных или очень замедленно изменяющихся общностей, например крестьянство, не обнаруживает такого феномена, как секции нового поколения, тем самым сильно отличаясь от своих предшественников, которым была свойственна особая энтелехия. В подобных общностях темп изменений настолько постепенен, что новые поколения эволюционируют, как бы удаляясь прочь от своих предшественников без всякой видимой паузы; и то, что мы видим, — это чисто биологическая

дифференциация и родовое сходство, основанные на возрастании различий и тождестве. Разумеется, подобные биологические факторы эффективны и в современном обществе, для молодежи привлекательна молодежь, для зрелости — зрелость. Секция-поколение, как мы ее описали, не может, однако, возникнуть единственно на основе этого простого фактора взаимного тяготения членов одной и той же возрастной группы.

Чем быстрее темп социальных и культурных изменений, тем больше тогда вероятность того, что возрастные группы со специфическим "местоположением" начнут реагировать на изменившиеся обстоятельства, создавая свою собственную энтелехию. С другой стороны, понятно также, что слишком быстро ускоряющийся темп может вызвать взаиморазрушение энтелехий в зародыше. Как современники, мы можем отчетливо наблюдать, если присмотреться, модели постепенной реакции возрастных групп, живущих бок о бок и тесно следующих одна за другой; однако эти группы настолько плотно скучены, что не преуспели в том, чтобы сформулировать специфические для каждого поколения энтелехии и формообразующие принципы. Подобные несостоятельные в плане выработки собственной энтелехии поколения склонны, там, где это возможно, примыкать к предыдущему поколению, уже выработавшему удовлетворительную форму, или к иному поколению, способному выработать новую форму. Таким образом, критический коллективный опыт обычно играет роль "кристаллизатора": несвязанные элементы всегда влекутся к цельным образам, даже если неоформленный группообразующий импульс во многих отношениях отличается от того образа, что их прельщает. В результате импульсы и тенденции, свойственные их поколению, могут так и не проявиться ввиду бытования ясно выраженной формы другого поколения, к которому они примыкают.

Из всего этого вытекает, что не всякое поколение выстраивает свою собственную, особенную модель мировидения и воздействия на мир; ритму "местоположений" следующих друг за другом поколений, основанному, главным образом, на биологических факторах, необязательно сопутствует параллельный ритм характеристик успешной мотивации и формообразующих принципов. Большинство теорий поколения, однако, имеет общую черту: пытаются установить прямую связь между, с одной стороны, имеющими решающее значение колебаниями в возрасте — интервалами протяженностью в 30 лет, т.е. в чисто натуралистическом, "количественном" смысле, а с другой —

волнами культурных изменений. Таким образом, игнорируется важное обстоятельство: осуществление скрытых возможностей, присущих "местоположению" поколения, управляется внебиологическими факторами - главным образом, как мы видели, преобладающим темпом и последствиями социальных изменений.

Возникает ли новый стиль поколения каждый год, каждые 30 лет, каждые 100, и, вообще, происходит ли это ритмически, всецело зависит от того, запущен ли он механизмом социального и культурного процесса. В данной связи допустимо спросить: в самом ли деле социальная динамика воздействует преимущественно через посредство экономической или одной из "идеологических" областей? Впрочем, этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения, в интересующем же нас контексте ответ на него несуществен: всем понятно, что стиль определяется социальными и культурными факторами, независимо от того, достигают импульсы поколения заметного стилистического единства или остаются скрытыми. Факт биологического существования создает просто возможность того, что энтелехии поколения могут возникнуть; если поколения не сменяли бы друг друга, нам не дано было бы наблюдать и феномен стилей поколения. Вопрос о том, в каких "местоположениях" поколения действительно реализуют присущий им потенциал, решается на уровне социальной и культурной структур — уровне, который регулярно ускользает от рутинной теории, берущей начало в натурализме, а затем внезапно прибывающей к крайнему спиритуализму.

Формальное социологическое разъяснение различия между категориями "местоположение поколения", "поколение как реальность" и "секция (подразделение) поколения" важно и, разумеется, обязательно для какого бы то ни было углубленного анализа, так как мы никогда не поймем в этой области доминирующих факторов, если это различие не будет проведено. Если мы говорим просто о "поколении", не проводя дальнейшую дифференциацию, то рискуем беспорядочно перемешать чисто биологические явления и те, что представляют собой продукт взаимодействующих социальных и культурных сил: таким образом, мы приходим к чему-то вроде социологии хронологических таблиц (*Geschichtstabellensoziologie*), в которой в целях "открытия" воображаемой динамики поколения, используется чрезмерно общая перспектива — так, чтобы решительно отвечать поворотным моментам в исторической хронологии.

Необходимо допустить, что биологические данные составляют наиважнейший фактор для определения феноменов, связанных с поколением, но по этой самой причине мы не в состоянии непосредственно наблюдать биологические факторы; вместо того мы принуждены видеть то, как они отражаются через посредство социальных и культурных сил.

Фактически наиболее поразительная черта исторического процесса состоит в том, что самые основные биологические факторы действуют более всего скрытно и могут быть поняты только через посредство социальных и исторических явлений, которые представляют собой как бы вторичную сферу. Практически это значит, что исследователь проблемы поколений не должен пытаться специфицировать проблемы, которые могут быть присущи фактору поколений, прежде чем не отсеет все последствия специфического динамизма исторической и социальной сфер. Если эта опосредующая область пропущена, то приходится прибегать непосредственно к натуралистическим принципам, таким как поколение, раса или географическое положение, объясняя явления исходя из влияния времени и среды.

Недостаток подобного натуралистического подхода состоит не столько в том, что он акцентирует роль природных факторов в жизни людей, сколько в его попытке объяснить динамические явления непосредственно чем-то постоянным, таким образом игнорируя либо искажая как раз ту опосредующую сферу, в которой на самом деле зарождается динамизм. Динамические факторы действуют на основе постоянных факторов — антропологических, географических и т.п. данных, — но в каждом событии динамические факторы используют разнообразные возможности, свойственные постоянным. Если мы желаем понять первичные, постоянные факторы, то надлежит наблюдать их в структуре исторической и социальной системы сил, в которой они обретают свою форму. Естественные факторы, включая последовательность поколений, обеспечивают основной круг возможностей исторического и социального процесса. Но именно потому, что они постоянны и поэтому всегда присутствуют в любой ситуации, частные черты данного процесса модификации отсылкой к ним объяснить нельзя.

Неодинаковая уместность (специфический способ, которым они могут обнаружиться в той или иной ситуации) может быть отчетливо заметна только тогда, когда пристальное внимание уделяется формообразующему слою социальных и культурных сил.

Ж. Поколение в отношении к другим формообразующим факторам истории

Теоретизированию по вопросу о поколениях, которое имело место в прошлом, принадлежит определенная заслуга: оно способствовало сохранению живого интереса к этому, несомненно, важному в истории человечества фактору. Однако его односторонний характер - теперь, в свете проведенного здесь анализа, это можно утверждать - обусловлен стремлением объяснить всю динамику истории этим одним фактором. Извинительная односторонность легко объяснима тем обстоятельством, что первопроходцы часто склонны к избыточному энтузиазму в отношении явлений, которые заметили первыми. Такая же односторонность проявляется во всех бесчисленных теориях истории, которые столь быстро недавно расцвели: все они исходят из единичного фактора, трактуемого в качестве единственного детерминанта исторического развития. Теории расы, поколения "национального духа", экономический детерминизм и т.д., которые страдают этой односторонностью, по крайней мере, держат каждая свой единственный фактор в отчетливом фокусе и не обходят вниманием проблему структурных факторов, формирующих историю. В этом, в их оправдание, они определенно выше историографии того сорта, что замыкается на удостоверении причинных связей между отдельными событиями и описании тех или иных деятелей, их характеров, отказываясь признавать за структурными историческими факторами какой бы то ни было интерес. Установка такой историографии в конечном счете предопределяет вывод, что история ничему научить не может, так как все ее проявления уникальны и несопоставимы друг с другом. То, что на самом деле это не так, обязан понимать каждый, кто предпочитает размышлять над историей, а не просто собирать исторические сведения, наблюдая повседневную жизнь так, как будто любое новое событие или выдающийся деятель "привязаны" к некоему постоянному полю. Последнее между тем подвержено процессу перемен и описывается в понятиях структуры.

Если в наших попытках отчетливо представить себе структуру исторической динамики мы отказываемся дедуцировать ее из единственного фактора, то следующий вопрос должен быть таков: возможно ли установить какой-либо определенный порядок релевантных структурных факторов с точки зрения их значения для отдельного периода времени либо в целом, ибо, разумеется, нельзя априорно

считать, будто сравнительная важность различных социальных или иных факторов (экономика, власть, раса и т.п.) навсегда одна и та же. Здесь мы не ставим своей задачей разрешить всю эту проблему, а лишь более тщательно исследуем вопрос о поколениях в отношении к другим формообразующим историческим факторам.

Самые ранние теории поколений характеризовались историческим монизмом, заслуга разрыва с которым принадлежит Петерсену. Конкретно, имея в виду романтизм, он попробовал трактовать проблему поколений вместе с другими исторически решающими факторами, как-то: этнос, регион, национальный характер, дух эпохи, социальная структура и т.п.

Приветствуя этот разрыв с монистической теорией, мы, однако, не можем согласиться с тем, что достаточно одного только сопоставления этих факторов (очевидно, это всего-навсего предваряет теорию); более того, социолог не должен быть удовлетворен трактовкой социального фактора, по крайней мере, в его нынешней форме.

Например, если говорить о духе эпохи, то, как и в отношении других факторов, следует отдавать себе отчет в том, что этот самый *Zeitgeist*, ментальность, присущая некоему периоду, в действительности не распространяется на все общество этого периода. Ментальность, которую обычно приписывают эпохе, имеет местонахождение, собственно, в одной (гомогенной или гетерогенной) социальной группе, которая во взятое в отдельности время приобретает особенное значение и в связи с ним - возможность интеллектуального влияния на все прочие группы (при этом не разрушая их, не поглощая).

Пересмотреть категорию *Zeitgeist* следует иначе, чем это сделал Пиндер. Согласно его мнению, *Zeitgeist* — вымышленное понятие, и оно рассыпается, как только становятся очевидны реальные элементы (скажем, для Пиндера — энтелехии поколения). Как полагает Пиндер, *Zeitgeist* не представляет собой органически отдельное бытие, ибо ему нет соответствия в реальной, органической энтелехии. Мы также склонны считать, что энтелехии *Zeitgeist*, которую можно было бы рассматривать в органическом единстве с духом эпохи, не существует, но, на наш взгляд, есть реальные элементы, которые служат заменой вымышленного элемента *Zeitgeist*. Они суть энтелехии социальных течений, вносящих разнонаправленную напряженность в каждый временной сегмент истории.

Так, не имел консолидированного "духа эпохи" XIX в. Вместо того возник сложный менталитет (если принять во внимание его

политические проявления)⁴³ взаимно антагонистических консервативно-традиционалистского и либерального импульсов, к которым позже прибавился пролетарско-социалистический импульс.

Впрочем, мы не станем заходить так далеко, как Пиндер, ни в отрицании какого бы то ни было единства во времени, ни в решимости приписывать всякую гомогенность, которая обнаруживается в проявлениях эпохи, совершенно случайному скрещению разнообразных, в прочих отношениях раздельных, энтелехий (случайным связкам). *Zeitgeist* является унитарной сущностью (в противном случае о "духе времени" было бы бессмысленно говорить), поскольку его можно рассматривать под углом зрения парадоксальной динамики.

Единство эпохи определяется динамикой ее антиномий и состоит в том, что ее полярные противоположности всегда интерпретируются в терминах одна другой и что разнообразные и разнонаправленные политические ориентации становятся действительно постижимы, если их рассматривать в качестве множественных попыток по-разному одолеть судьбу и решить одни и те же социальные и интеллектуальные проблемы, которые ей сопутствуют⁴⁴. Если так, то дух эпохи - не случайное совпадение энтелехий современности (точка зрения Пиндера) и не образует энтелехию сам по себе (по Петерсену, — объединенный центр воления или формообразующий принцип). Скорее, мы понимаем его как динамическое напряженное отношение, которое доступно для тщательного исследования, исходя из его специфики, но которое ни в коем случае нельзя считать в субстанциальном значении "вещью".

Подлинные энтелехии раскрываются, в первую очередь, через посредство тенденций или течений, о которых уже было здесь сказано. Любая из этих тенденций или течений (которые можно без труда объяснить, исходя из социальной структуры) стимулирует определенные основные установки, которые существуют сверх и свыше смены поколений как длительного (но, тем не менее, подверженного постоянным переменам) формообразующего принципа в подоплеке социального и исторического развития. Следовательно, идущие друг за другом поколения как бы налагают свои энтелехии на более общие, устойчивые энтелехии разных, подчас противоположных тенденций. Таким образом, от поколения к поколению энтелехии либеральной, консервативной или социалистической тенденций трансформируются, из чего можно заключить, что подразделения поколений - не простые конструкции: они имеют собственные энтелехии, которые не

могут быть поняты в себе и для себя и должны рассматриваться в более широкой структуре тендирующих энтелехий. Далее, следовательно, совершенно невозможно разграничить либо исчислить поколения в интеллектуальном отношении (секции поколения). Все, что можно сделать, это — артикулировать некоторые общие тенденции. Энтелехия общего направления предшествует энтелехии поколения, и та может стать результативной и внятной только внутри первой. Но это не значит, скажем, что любая из конфликтующих тенденций в данный момент времени обязательно ведет к возникновению новых энтелехий поколения.

Например, совершенно ошибочно было бы предполагать, будто в Германии в первых десятилетиях XIX столетия существовало только романтически-консервативное поколение⁴⁵, которое позже сменилось либерально-романтическим поколением. Правильнее было бы говорить так: в первых десятилетиях XIX в. ситуация была такова, что молодое поколение, имевшее корни в романтико-консервативной традиции, оказалось в состоянии создать новые энтелехии поколения. Только эта секция поколения оказалась способна оставить след в атмосфере, характеризовавшей столетие. То, что случилось в 30-х годах, тогда не было появлением того "нового поколения", которому довелось стать либеральным и рационалистическим. Но ситуация переменилась, и вот впервые для другого подразделения молодого поколения стало возможно ввести традицию, развившуюся таким образом, что получилась его особенная энтелехия поколения. Несомненно, всегда существовали принципиальное различие и поляризация, и каждое течение имело своим носителем собственное молодое поколение, но возможность для творческого развития основного импульса сперва предоставилась романтикам-консерваторам и лишь позже либералам-рационалистам.

В этом смысле мы можем сказать, что различие между лидирующим, привлеченным и подавленным типами в поколении, которое проводит Петерсен⁴⁶, правильно и важно, но все же не выражено в достаточно четкой форме, так как Петерсену не удался анализ соответствующей социологической дифференциации.

Петерсен предполагает наличие непосредственного взаимовлияния между надвременным характером типов в поколении, с одной стороны, и духом времени (*Zeitgeist*), который он рассматривает как безусловно достоверную данность, — с другой, как если бы исторический процесс заключался в борении этих двух факторов, а судьбы

отдельных людей были бы на самом деле предопределены этих факторов эквивалентным объяснением. В качестве иллюстрации метода, которым руководствуется Петерсен, возьмем его интерпретацию людей с эмоциональным характером, как он сам их именуется "склонных к романтике". Если допустить, что человек такого типа живет в эпоху, дух которой в основном романтический, то это совпадение может положительно повлиять на усиление его романтических наклонностей, так что он будет принадлежать к "лидирующему типу" своего поколения. Но другой человек, эмоциональные и рациональные склонности которого более или менее сбалансированы, в сходных обстоятельствах, оказавшись вовлечен в лагерь романтиков, являет собой типаж "привлеченного". Наконец третий человек, по характеру настроенный рационалистически, но живущий в романтическую эпоху, представляет собой тип "подавленного". Для него открыты всего два пути: либо плыть по течению против своих собственных наклонностей и, подвергаясь осмеянию, неуклюже следовать романтическим тенденциям своего времени, либо, наоборот, если он отстаивает свою позицию, оказаться в своем времени одиночкой — эпигоном ушедшего или предтечей будущего поколения.

Не считая отчасти поверхностного словоупотребления "эмоциональный" и "склонный к романтике" как синонимов, в классификации типов Петерсоном в поколении — лидирующий, привлеченный и подавленный — есть нечто по существу верное. Но так произошло не в результате противоречия между надвременными личными склонностями, существующими в надсоциальной сфере, с одной стороны, и неотдифференцированным неделимым Zeitgeist (потому что такой вещи реально не существует) — с другой. Личность формируется, главным образом, благодаря современным интеллектуальным веяниям и течениям, свойственным специфической социальной группе, к которой она принадлежит. Иными словами, она никоим образом не подвержена влиянию духа времени в целом, ее привлекают только те течения и тенденции времени, которые в качестве живой традиции сохраняются в ее специфической социальной среде. Но даже и эти частные тенденции, а не другие, укореняются и утверждаются во внутреннем мире в конечном счете благодаря тому, что дают наиболее адекватное выражение характерным "возможностям" его жизненной ситуации. Вопрос поэтому не в том, способствует или препятствует недифференцированный дух времени способностям, заложенным в индивидуальных характерах:

конкретный индивид всегда подвержен различным, полярным тенденциям или течениям в рамках "глобального духа эпохи" и, в частности, тому "направлению", которого придерживается его непосредственное окружение, семья. К структуре личности в первую очередь предъявляет свои требования эта специфическая тенденция.

Причина, по которой грамотные историки склонны не обращать внимание на тот факт, что в своем большинстве люди привержены тенденциям своего времени и что "дух эпохи" всегда расколот по множеству направлений, а не так, чтобы быть то исключительно романтическим, то исключительно рационалистическим, итак, причина этого состоит в самом материале — главным образом, биографиях *hommes de lettres*^{*}, т. е. весьма специфической социальной группы.

В нашем обществе только *hommes de lettres* существуют как сравнительно раскрепощенная (*freischwebend*) группа (что, конечно, является социологическим показателем их положения); поэтому только они могут колебаться, присоединяясь то к одному, то к другому течению. В первой половине XIX столетия они были склонны смыкаться с течением, поддерживаемым молодежью, которая благодаря обстоятельствам того времени как раз достигла в интеллектуальном отношении господствующего положения, т. е. с течением, благоприятствовавшим формированию энтелехий. Период Реставрации и социально-политического ослабления немецкой буржуазии в начале XIX в. способствовал развертыванию энтелехии молодого поколения романтико-консервативного толка; к этому полюсу примкнули по большей части и социально раскрепощенные *literati*^{**}. Начиная с 30-х годов июльская революция и набравшая скорость индустриализация страны благоприятствовали развертыванию в молодом поколении новых либерально-рационалистических энтелехий, и многие *literati* незамедлительно присоединились к его лагерю.

Поведение этих *hommes de lettres* создает впечатление, будто в некий момент "дух эпохи" полностью романтизирован, а вслед за тем становится всецело либерально-рационалистическим и кроме того, каким быть духу эпохи, романтическим или рационалистическим, определяют исключительно эти *literati* — поэты и мыслители. Однако в действительности решающие импульсы, которые определяют направление эволюции, вообще от них не исходят, а исходят от гораздо

* Литераторов (франц.).

** Литераторы, ученые (лат.).

более плотных, взаимно антагонистических социальных групп, которые стоят за ними, подвергшимися в силу антагонистических тенденций поляризации. Волнообразный ритм изменения *Zeitgeist* связан просто с тем, что — в согласии с преобладающими условиями — в деле сплочения активной молодежи, которая поддерживает "средние" поколения, и, в частности, социально незакрепощенных, добивается успеха то один, то другой из полюсов. Не станем недооценивать огромное значение образованных слоев (социальной группы, к которой принадлежат многие из величайших мыслителей и поэтов), так как, конечно, они одни одаряют энтелехии, расходящиеся из центра социальной сферы, действительной глубиной и формой. Но если мы отдадим все внимание исключительно им, то окажемся не в состоянии реально выявить вектор интеллектуальных течений. Принимая во внимание исторический и социальный процесс в целом, можно сказать, что никогда не было по своему характеру ни полностью романтической, ни полностью рационалистической эпохи; по крайней мере, начиная с XIX в. мы определенно имеем дело с культурой, которая в этом отношении поляризована. Однако можно с уверенностью утверждать, что верх одерживает то одна, то другая из этих двух тенденций, становясь таким образом доминирующей. В социологических понятиях, снова резюмируем, это значит просто то, что обстоятельства времени благоприятствуют формированию в поколении то ли на одном, то ли на другом из его полюсов новой энтелехии и что эта новая энтелехия всегда привлекает колеблющиеся средние слои, прежде всего — образованных людей. Таким образом, социально адаптированный человек (к какому бы психологическому "типу" он ни принадлежал) примыкает к тому течению, которому случается стать преобладающим в том социальном кругу, к которому он принадлежит; с другой стороны, социально не адаптировавшийся *homme de lettres* любого психологического типа обычно должен прояснить свою позицию, принимая во внимание доминирующую тенденцию своего времени. Итоги борьбы между естественной склонностью индивида, его ментальной установкой, более отвечающей его социальной ситуации, и доминирующей тенденцией его времени несомненно от случая к случаю различаются. Однако только очень сильной личности удастся настоять на своем, столкнувшись с антагонистической установкой, возникшей в социальном кругу, из которого он сам происходит, в особенности, если его собственная группа в этот период поднимается по социальной лестнице. Для "буржуа", настроенного

иррационально, в 40-х годах XIX в. было затруднительно получить должное, а молодому аристократу, склонному к рационализму, сохранить в своем социальном кругу эту склонность перед лицом подъема романтизма и оживления религиозности. Чаще всего оказывается, что оппоненты новой энтелехии поколения — это, главным образом, люди, которые в силу их "местоположения" в старшем поколении неспособны или не желают раствориться в новой энтелехии, которая вызревает в их среде.

Местоположение поколения всегда существует как возможность со стремлением к реализации, но средство подобной реализации — это не консолидированный *Zeitgeist*, но та или иная из конкретных тенденций, которая в данное время превалирует⁴⁷. Формируется новая энтелехия поколения на одном полюсе или же вектор социального пространства направлен к другому полюсу, как мы убедились, — зависит от исторических судеб группы.

Остается сказать о еще одном факторе; он здесь не рассматривался, а, между тем, столь же сложен, что и другие. Речь пойдет о том, что вновь возникающие энтелехии не содержат для поколения одинаковые возможности для их утверждения во всякой области интеллектуальной деятельности. Одни области как бы способствуют становлению новых энтелехий, другие этому препятствуют. В той мере, в которой в них обнаруживаются доказательства наличия энтелехий поколения, области интеллектуальных занятий можно ранжировать.

К примеру, естественные науки, где факторы мировоззрения (*Weltanschauung*) играют не столь важную роль, как в других областях, энтелехии поколения определенно сокрыты.

В сфере "цивилизации"⁴⁸ в целом, в силу свойственного ей однолинейного характера развития, тенденция к сокрытию трансформаций, связанных с опытом и волеием, действует гораздо сильнее, чем в сфере "культуры". А что касается самой сферы "культуры", то Пиндер совершенно прав, когда указывает, что там, где она выражена в вербальной форме (религия, философия, поэзия, литература, ученость), ее роль совершенно иная, нежели в пластических искусствах и музыке⁴⁹. Впрочем, в этой сфере нужна более четкая дифференциация. Следует прояснить как то, насколько различные социальные и присущие поколению импульсы и формообразующие принципы имеют специфическое родовое сходство с той или иной формой, так и то, не вызывают ли они к жизни в некоторых случаях новые формы искусства.

Необходимо к тому же выяснить степень, в которой формы социального взаимодействия обнаруживают стратификацию соответственно поколениям. И здесь, оказывается, некоторые формы взаимодействия в большей мере отвечают одной системе тенденций — социальных и присущих поколению, чем другие. Мантрэ уже показал, что ассоциации, намеренно организованные на основе письменных установлений, гораздо меньше, чем менее официальные группы (например, литературные салоны), подвержены импульсам, исходящим от нового поколения. Так, по-видимому, по той причине, что факторы социальной и исторической сферы оказывают в плане возникновения энтелехий поколения либо ограничительное, либо поощрительное влияние, нельзя точно определить наперед степень, в которой различные "области" культуры могут служить резонатором для нового поколения. Все это с еще одной точки зрения подтверждает, что фактор поколения, — который на биологическом уровне действует с единообразием естественного закона, — на социальном и культурном уровнях, где его последствия могут быть оценены лишь с огромными трудностями, причем косвенно, становится почти неуловим.

Феномен поколений представляет собой один из основных генетических факторов динамики исторического развития. Исследование взаимодействия сил, которые с ним связаны, — это большая сама по себе задача, не решив которую нельзя правильно понять природу этого развития. Проблему можно разрешить только на основе строгого, тщательного анализа всех его составляющих.

Формальный социологический анализ феномена поколения, вероятно, поможет нам, так как из него мы, возможно, узнаем, что относится, а что не имеет отношения к фактору поколения как к одному из факторов, который вторгается в социальный процесс.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соответствующие цитаты из Юма и Копта см. в кн. Mentré F. Les générations sociales. P., Bossard, 1920, p. 179, 66.

2. Названия всех этих работ содержатся в данных примечаниях.

3. Наиболее научный характер, по-видимому, имеет опыт Рюмелина, попытавшегося исчислить период, на который простирается жизнь поколения у разных народов. Он воспользовался чисто статистической методикой, игнорировав все проблемы, относящиеся к интеллектуальной истории. В его расчетах решающее значение отведено

двум факторам - среднему возрасту вступления в брак для мужчин и полупериоду фертильности для женщин. Период бытования поколения определен им как сумма этих двух количественных показателей, которые в разных социальных группах и странах варьируются. Например, для Германии он равен 36,5, а для Франции - 34,5 годам.

4. Mentré F. Op. cit.

5. Здесь подробно мы расскажем только о тех исследователях проблемы поколений, чьи работы появились после опубликования работы Мантрэ.

6. Mentré, p. 298.

7. См., например, книги: Agathon. Les jeunes gens d'aujourd'hui. P., Plon Nourrit, 1912; Bainville. Histoire de trois générations; Ageorges. La marche montante d'une generation (1890-1910), 1912; Valois G. D'un siècle a l'autre. Chronique d'une génération (1885-1920). P., 1921; Curtius E.R. Die literarischen Wegbereiter des neuen Frankreich. Potsdam; Platz R. Geistige Kämpfe in modernen Frankreich. Kempten, 1922. Их авторы всегда принимают во внимание фактор поколений.

8. О концепции времени у консерваторов см. мою статью "Консервативная мысль", а опровержение концепции прогресса как суммы фактов исторического развития, например, в кн. Pinder. Kunstgeschichte nach Generationen. Zwischen Philosophic und Kunst. Johann Volkelt zum 100. Lehrsemester dargebracht. Leipzig, 1926, S. 138.

9. См. Dilthey. Über des Studium der Geschichte der Wissenschaften vom Menschen, der Gesellschaft und dem Staat. - Abgedr. Ges. Schr. 1875, Bd.V.,S. 36-41.

10. Heidegger. Sein und Zeit - Jahrb. f. Philosophic u phanomenologische Forsch. Halle a.d.S., 1927, Bd. VIII, S. 384.

11. Pinder. Op. cit, S. 21.

12. Ibid., S. 20.

13. Об этом см. К. Мангейм. Теория интерпретации мировоззрения.

14. Pinder. Das Problem der Generation in der Kunstgeschichte Europas. Berlin, 1926, S. 98.

15. Ibid, S. 159.

16. Ibid, S. 154.

17. Ibid, S. 30.

18. Ibid, S. 60.

19. То есть "культурная ситуация", а также "социальные и политические условия" (ср. Dilthey, Op. cit., S. 38).

20. O. Joel K. Der seculare Rhythmus der Geschichte. - Jahrb. f. Soziologie. Karlsruhe, 1925. Bd. 1.

21. О. Лоренц попытался заместить такой показатель, как столетие, "тремя поколениями". Это - легче умопостижимое понятие. Шерер в своей "Истории литературы" (Scherer W. Geschichte der deutschen Literatur. 3 Aufl. Berlin, 1885, S. 18) говорит о 600-годичном ритме. Мы же полагаемся на труды историков литературы, Куммера и Петерсена, а также социолога Л. фон Визе. Ср. Kummer F. Deutsche Literaturgeschichte der 19 Jahrhunderts. Dargestellt nach Generationen. Dresden, 1900; Petersen. Die Wesensbestimmung der Romantik (Kap. 6, "Generation"). Leipzig, 1925; von Wiese L. Allgemeine Soziologie als Lehre von den Beziehungsgebilden, Teil 1. Beziehungslehre. Munchen und Leipzig, 1924.

22. В этой связи желательна тщательная проработка различия между современными молодежными движениями и возрастными группами у этнографических народов, которые обстоятельно описал Шурц (Schurtz H. Altersklassen und Mannerbunde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin, 1902).

23. Задачей исторических и социологических исследований остается установить, на какой ступени развития и при каких условиях класс обретает классовое самосознание и, сходным образом, когда люди, которые принадлежат к поколению, осознают общность своей ситуации и превращают это осознание в основу коллективной солидарности. Почему сегодня поколения преисполнены сознанием собственного единства? На этот вопрос надлежит ответить в первую очередь.

24. Природа социальных наук составляет преграду для настоящих экспериментов, но подобный "мысленный эксперимент" может многократно помочь выявлению важных факторов.

25. Ср. у Шпрангера (Spranger. Psychologie des Jugendalters. Leipzig, 1925) "быть молодым" и "стареть", а также интеллектуальное и духовное значения этих явлений (Шпрангер, кроме того, дает отсылки к другой литературе, касающейся психологии юношества, между которой см., например, Honigsheim P. Die Pubertat. — Kolner Vierteljahrshefte fur Soziologie. 1924. Jahrg. III, N. 4). Также заслуживают внимания работы А.Е. Бринкмана (Brinckmann A.E. Spatwerke grosser Meister. Frankfurt, 1925), который использовал прием интерпретативного исследования произведения искусства, Ф. Болла (Boll F. Die Lebensalter. Ein Beitrag zur antiken Ethnologie und zur

Geschichte der Zahlen. Berlin, 1913), Якоба Гримма (Grimm J. Uber des Alter. Reclams Universal-Bibl. N 5311) и Гизе (Giese. Eriebnisform der Alters. - Deutsche Psychologie. Halle, 1928 N 5(2)). Литературу, относящуюся к собственно проблеме молодежного движения, мы здесь не приводим.

26. Здесь не место перечислять все многочисленные формы социальной памяти. Упростим свою задачу, ограничившись альтернативой, создаваемой крайними "сознательно признанными моделями". В широком смысле они включают корпус знаний, хранящихся в библиотеках. Но подобный тип знаний эффективен лишь постольку, поскольку постоянно актуализируется. Это может произойти двумя путями - либо интеллектуальным путем (когда знания используются в качестве рамок или руководства к действию), либо спонтанно (когда они "фактически присутствуют" в форме концентрированного опыта). Инстинкт, а также сублимированное и неосознанное знание, как это понимается, в частности, Фрейдом, нуждаются в отдельной трактовке.

27. Этот процесс обнаружения скрытых возможностей, присущих только наследованному материалу, разъясняет, почему столь многие революционные и реформистские движения оказываются в состоянии "прививать" свои новые истины к старым истинам.

28. То есть если мы игнорируем - о чем было сказано - биологические факторы физического и психологического старения.

29. Необходимо подчеркнуть, что "способность начинать сызнова", о которой мы говорим, не имеет ничего общего ни с "консервативной", ни с "прогрессивной", в обычном смысле слова, установками. Нет ничего более ложного, чем обычное мнение, которое разделяется большинством исследователей проблемы поколений, будто молодое поколение является "прогрессивным", а старшее, по определению, — консервативным. Недавний опыт достаточно хорошо показывает, что старшее, либеральное поколение бывает более прогрессивно в политическом отношении, нежели некоторая часть молодежи, как-то немецкие студенческие ассоциации (Burschenschaften) и др. "Консерватор" и "прогрессист" суть категории исторической социологии, назначение которой состоит в изучении дескриптивного содержания динамики того или иного исторического периода, а "старый" и "молодой", а также концепт "свежего контакта" поколений - это категории из арсенала формальной социологии. Консервативна молодежь, реакционна или прогрессивна зависит

(если не полностью, то, по крайней мере, в главном) от того, обеспечивают ли социальная структура и собственное общественное положение реальные возможности для достижения поставленных социальных и интеллектуальных целей. То, что люди "молоды" и "свежи" (последнее, с точки зрения контактов с внешним миром), обнаруживается в таком факте: они могут переориентировать любое движение, которое избирают, приспособить его к общей ситуации. (Так, например, в консерватизме они должны видеть частную форму политического и интеллектуального течения, которое более всего отвечает требованиям современной обстановки, или в социализме, таким же образом, - иное современное ее определение.) Данное обстоятельство подтверждает принципиальный тезис этого очерка, который далее будет дополнительно подкреплён, а именно что биологические факторы (например, молодость и старость) сами по себе не связаны с определенной интеллектуальной и практической ориентацией (молодость не может автоматически соотноситься с прогрессивной установкой и т.п.); эти факторы просто инициируют некоторые формальные тенденции, реальные проявления которых в конечном счете зависят от преобладающего социального и культурного контекста. Всякая попытка установить непосредственное тождество или корреляцию между биологическими и культурными данными ведет к недоразумению, которое лишь запутывает существо вопроса.

30. Трудно разрешимым является как раз вопрос о том, в каком моменте этот процесс исполняется на личностном уровне, - когда именно стабилизируется подсознательный, но существенный инвентарь (а в его составе национальные и провинциальные особенности, в рамках которых могут развиваться национальные и провинциальные энтелехии). Вероятно, он завершается тогда, когда инвентарь беспроblemного опыта действительно приобретает свой окончательный вид. Ребенок или подросток всегда открыт для новых влияний, когда попадает в новую среду: он с легкостью, например, усваивает новые подсознательные ментальные установки и привычки, перенимает язык или диалект. Взрослые, когда меняется их окружение, сознательно трансформируют некоторые аспекты своего образа мысли и поведения, однако они никогда не бывают в состоянии "акклиматизироваться" столь же бесповоротно и радикально, как и дети. Принципиальные установки взрослого человека, его жизненный инвентарь и, во внешних проявлениях, его язык и диалект по большей части остаются на уровне более близком к исходному.

Очевидно, язык и произношение косвенно указывают, насколько устойчивым является в основном его мировоззрение, насколько сложились основания его сознания. Если можно определить момент, в котором язык и диалект человека прекращают изменяться, то появляется, по крайней мере, внешний критерий и для определения момента, в котором перестает аккумулироваться подсознательный инвентарь его опыта. Согласно А. Мейе, после 25 лет разговорный язык и диалект у человека не меняются (A. Meillet. *Méthode dans les sciences*. Paris. 1911; Idem. *Introduction a l'étude comparative des langues indo-européennes*, 1903. Этот автор цитируется Мантрэ - Mentré. *Op. cit.*, p. 306 и далее).

31. Шпрангер (*Psychologie des Jugendalters*. Leipzig, 1925) также считает, что поворотный момент наступает в возрасте 17 лет или около того.

32. Это отчасти проливает свет на то, каким образом "идеи" предшествуют действительной трансформации общества. "Идеи" здесь понимаются не в том смысле, что у Платона, а так, как это имеет место во французской традиции. Так, "современная идея" имеет тенденцию дестабилизировать социальную структуру, приводить ее в движение. Ее не бывает в статичных социальных образованиях, например, в самодостаточных крестьянских общинах, которые обычно неосознанно ведут традиционный образ жизни. В таких общностях не найти молодежи, которую можно было бы ассоциировать с подобными идеями, "возбуждающими" против старших. "Быть молодым" - здесь вопрос биологической дифференциации. Позже об этом будет сказано подробнее.

33. По-видимому, данное обстоятельство оказывает влияние на то, в какой последовательности разворачивается этот процесс. Сначала меняются "условия". Затем, в новой ситуации, начинает неосознанно изменяться самое поведение. Индивид реагирует на новую ситуацию, приспособляясь к ней инстинктивно и бессознательно. (Даже самый фанатичный ортодокс то и дело применяется к обстоятельствам в тех аспектах поведения, что скрыты для сознательного наблюдения.) Если динамика ситуации приводит к слишком быстрому культурному изменению, и сдвиг оказывается чрезмерен, если неосознанное приспособление к неожиданно новой ситуации, как выясняется, неадекватно, а адаптация поведения "нефункциональна", ввиду чего тот или иной аспект реальности становится проблематичным, то этот аспект реальности должен быть осознан - на уровне ли мифологии, философии или науки, иными словами, соответственно достигнутой

ступени культурной эволюции. С этого момента разворачивается, как того требует ситуация, разгадывание более глубоких ее пластов.

34. Л. фон Визе дает живое описание противоречий по линии "отцы и дети". Исключительную важность имеет его замечание, что в глазах сыновей отцы выступают в той или иной мере в роли представителей общества (см.: Визе Л. Указ. соч., с. 196).

35. Следует напомнить, с другой стороны, на указание Л. фон Визе (Указ. соч., с. 197) относительно того, что при современной тенденции к индивидуализму каждый человек в большей степени, чем это было прежде, заявляет право на то, чтобы "жить своей собственной жизнью".

36. В этом еще одно доказательство того, что естественные биологические факторы, которые характеризуют старость, теми или иными социальными силами, бывает, недооцениваются и что данные, относящиеся к биологии, превращаются в интерпретации таких сил едва ли не в свою противоположность.

37. До сих пор мы не проводим различия между местоположением поколения, поколением как реальностью и т.п. Теперь это должно быть сделано.

38. См. вышеприведенную цитату из Хайдеггера.

39. Рассудочные понятия могут в социальном аспекте как объединять людей, так и разъединять. Например, понятие "Свобода" имеет для либеральной и консервативной частей поколения совершенно разный смысл. Анализируя разные значения, которые придаются находящимся в обращении идеям, таким образом становится возможным получить указание на степень, в которой поколение разделено на части. Ср. мою работу "Консервативная мысль", в которой исследуется консервативная концепция свободы и в противовес ей либеральная, бытовавшая в то же самое время.

40. В 40-х годах XIX в. в Германии, например, когда в моде были идеи оппозиции, их разделяли и молодые люди из числа знати. См. об этом у К. Маркса ("Революция и контрреволюция в Германии").

41. Например, Ницше можно рассматривать как предтечу современного неоромантизма. Замечательный пример того же порядка во Франции являет собой Тэн, который под влиянием событий 1870-1871 гг. обратился к патриотизму и стал предтечей поколения националистов (Ср. Platz R. Geistige Kämpfe in modernen Frankreich. Kempten, 1922). В подобных случаях желательно было бы провести исследование того, в каком отношении структура опыта предтечи

отличается от структуры опыта нового поколения, которое начинается там, где заканчивает свою деятельность предтеча. Интересный образчик этого положения дает история германского консерватизма, а именно эпизод с юристом Гюго. Его можно расценивать как основателя “исторической школы”, но он никогда не использовал иррационалистических понятий, которыми мыслили адепты этой школы (к примеру, Савиньи) последующего поколения, т. е. жившего в эпоху наполеоновских войн.

42. Скорость, с которой происходит чередование поколений (так как она остается постоянной), не влияет на быстроту социального развития.

43. Мы умышленно выбираем примеры из истории политических идей, поступая так отчасти в противовес тенденции (особенно очевидной в Германии), когда проблема поколений исследуется исключительно в контексте истории литературы или искусства, отчасти, чтобы выразить убеждение в том, что в данном моменте более всего ясна структурная ситуация решающих социальных импульсов, а также дифференциация поколений. Конечно же, другие энтелехии и изменения стиля необходимо изучать отдельно; они никоим образом не могут быть выведены из политических факторов, хотя с этой точки зрения более всего понятны и ясны их взаимосвязанность и сходство. Разумеется, художник живет, в первую очередь, в мире искусства со свойственными ему особыми традициями, но как человек он всегда связан с движущими силами своего поколения. Если он и не имеет политических пристрастий, влияние политических факторов всегда должно трансформировать даже чисто артистические отношения и энтелехии. История политических идей представляется нам наиболее важной как исходный момент для обзора структуры в целом. Далее это и будет сделано. По нашему мнению, “дух эпохи” представляет собой, таким образом, результат динамического взаимодействия поколений, которые непрерывно сменяют друг друга.

45. Романтизм и консерватизм не всегда идут рука об руку. Как в Германии, так и во Франции романтизм поначалу был революционным движением.

46. Petersen. Die Wesensbestimmung der Romantik (Kap. 6, “Generation”). Leipzig, 1925, S. 146.

47. То же можно наблюдать в современном молодежном движении, перманентно находящемся в процессе социальной и политической поляризации. Как чисто социальный феномен оно

представляет собой действительно сплоченное поколение, но его сущность становится понятной лишь в конкретной форме - через посредство понятия "часть поколения", соответственно которому оно дифференцируется в социальном и интеллектуальном отношениях.

48. См.: Weber A. Prinzipielles zur Kultursoziologie. - Archiv für Soz./Wiss. u. Soz. Politik, 1920.

49. Pinder. Kunstgeschichte nach Generationen. Zwischen Philosophie und Kunst. Johann Volckelt zum 100. Lehrsemester dargebracht. Leipzig, 1926.